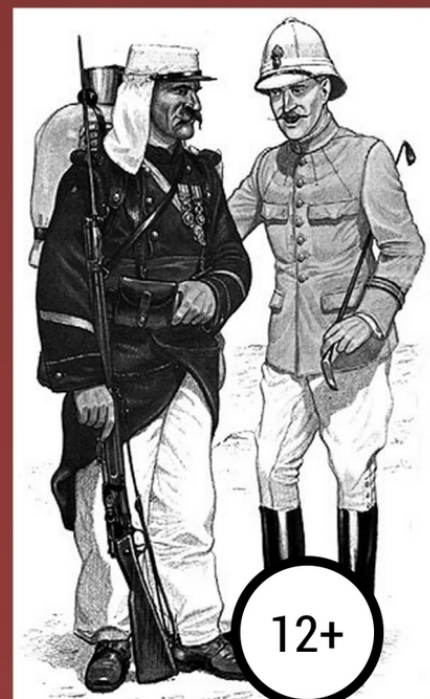

Анатолий Репецкий

ВСЕМУ СВОЁ ВРЕМЯ

Анатолий Репецкий
Всему свое время

«ЛитРес: Самиздат»

2016

Репецкий А. Т.

Всему свое время / А. Т. Репецкий — «ЛитРес: Самиздат», 2016

Совершить благородный поступок - спасти от расстрела невинных людей и угодить после этого на каторгу на целых пять лет - этого никак не ожидал легионер Владимир Макаров, в прошлом поручик русской армии. За его вызволение сражаются спасенный им араб и французская девушка Сюзанна. Им совершенно невдомек, что противостоит их усилиям военная разведка.

Потерял богатство, ничего не потерял,
Потерял здоровье – потерял половину.
Потерял веру – всё потерял!
(Народная мудрость)

УЗНИК

Возникший в просторном помещении шум отодвигаемых стульев, гул оживленных, а затем, после – «встать! суд идет!» – тотчас смолкнувших возгласов присутствующей публики сообщили о том, что судья вернулся в зал. Слова приговора, окрашенные суровой тяжестью густого мужского голоса, гулко прозвучали во внезапно наступившей тишине. Пять лет каторжных работ! Вскрикнула и упала в обморок женщина, сидящая наискосок; в зале снова задвигали стульями, все сразу громко заговорили. Первые минуты, пока он понял, что речь идет именно о нем, Владимире Макарове, бывшем поручике Русской армии, а ныне сержанте Французского иностранного легиона, показались ему нереальностью, обычным кошмарным сном; их он в последнее время видел множество и прерывал их обычно стук в дверь и ненавистный голос тюремного надзирателя. Стоявшие за спиной конвоиры повели его к выходу сквозь реплики, большинство которых одобрили приговор. «Допрыгался, по нему давно тюрьма плачет, чтоб знал, на кого поднимать руку – это были самые вежливые из них. Несколько минут его мысли металась в голове какими-то беспорядочными обрывками, не имеющими никакого отношения к происходящему. Вначале он подумал о женщине, упавшей в обморок при зачитании приговора. Почему на ее шляпке вуаль? От кого она прячется? Какое отношение это имеет к нему, и почему в зале не открывают окна даже в такую жару? На окнах решетки, побег исключен, а дышать совершенно нечем. Ага, вот она, подсказка! В обморок она упала из-за невыносимой духоты, а не из-за него, а он подумал ... Это исключено, она скорее всего, ждет суда над близким для нее человеком. Сегодня здесь слушается шесть или даже восемь дел, и неизвестно, сколько она уже сидит в этом мрачном даже по виду зале, не говоря уже о происходящем в нем. Но ему казалось, что глаза женщины неотрывно смотрели именно на него, и даже ее шляпа не в состоянии это скрыть. Ну и что? Глядеть просто больше не было на кого. Здесь, в Африке у него нет ни одного близкого ему человека, даже такого, кто бы посочувствовал или сказал ободряющее слово, а не то, чтобы сидеть в зале и смотреть на него, а после еще и сознание терять.

Арестантский автомобиль долго отсутствовал, возможно, уехал за очередной порцией заключенных, и конвоиры вдруг проявили максимум великодушия; во дворе они усадили его под деревом на скамье. И даже предложили сигарету, что было сверх всего. Он не курил, но сигарету взял, так как уже был достаточно опытен в таких вопросах. Наконец, какая-то фраза конвойных, прозвучавшая несколько настойчиво, вернула его к действительности. Они интересовались, не хочет ли он передать кому-нибудь последний привет?

– Мне некому, – ответил он, и это было действительно так. Его воинская часть сейчас сражается за полтысячи верст отсюда, Франция далеко, а Россия досягаема разве только в сновидениях. Теперь, когда он присел под деревом, обдуваемый легким ветерком, он принялся анализировать ситуацию. Ее нереальность состояла в том, что он был до сих пор совершенно уверен, что за свой проступок получит два-три месяца гарнизонной тюрьмы и в ближайшее время выйдет на волю, поскольку большую часть срока он уже отсидел. А может даже и этого ему не дадут: боевые действия в полном разгаре, на счету сейчас каждый солдат, а ведь он не просто солдат, он опытный командир пулеметного отделения, и возможно дело кончится тем, что с его погон срежут сержантские лычки и уже рядовым отправят на передовую. Стоит задуматься, почему же теперь ему за простую драку вешают столь огромный срок? Значит, дело вовсе не в ней, драке, а в чем-то гораздо большем, и до этого нужно ему обязательно докопаться. Уже сейчас стоит насторожиться, почему он сидит в тенечке и ему предлагают

сигарету в страшное нарушение устава караульной службы. Возможно тот, кто отправляет его сейчас на каторгу, пытается узнать: есть ли в Фесе кто-нибудь, способный прийти на выручку русскому эмигранту.

Его привели в ту же камеру, в которой он находился до суда; грязная и вонючая, она уже не так сильно казалась ему такой, поскольку он был уверен: все, что ждет его впереди будет намного хуже. Он провел бессонную ночь, но не отчаяние было главной тому причиной. За свою не столь уж долгую жизнь ему пришлось испытать самые различные удары судьбы, причем достаточно сильные и частые. Настолько, что уже выработалось устойчивое защитное правило: ни в коем случае не отчаиваться и не паниковать. Казалось, что самое страшное с ним произошло тогда, в ноябре двадцатого, когда он покидал Севастополь, оставляя за спиной самое дорогое: жену, дочь, родных и знакомых. Оставлял все то, что должно было помещаться в одном едином слове Родина, и оно там помещалось, хотя это был целый мир! Но тогда он был не один. Рядом были тысячи, таких как он, и они ощущали плечи и дыхание, и даже казалось, стук сердец друг друга. А сейчас? Что же сейчас угнетает больше всего? Пожалуй, сознание полной беспомощности, в основе которой одиночество. Но полно! Одинок он пока только в этой камере, не в пустыню же его завтра поместят. Поэтому – прочь грустные мысли.

Днем его вместе с остальными вывели за два часа до обеденного времени; это уже началось мелкое издевательство, правда компенсированное в последнюю минуту четвертинкой хлеба и кружкой холодного чая. Тюремная машина тут же повезла их на вокзал. Заключенные в фургоне вели себя по-разному: одни безучастно смотрели в пол, другие, как и он, осматривались, изучая своих попугачиков, которые могли теперь остаться ими на очень долгий срок. Нашелся даже один активный, который подергал решетку на двери и даже попытался отодрать доски от пола. Эти действия тотчас же разбудили дремлющую где-то в самой глубине души крохотную искорку, безусловно живущую в каждом заключенном. Наверное, это мысль о победе. Так уж человек устроен: в самые невероятно трудные моменты, вспыхивает и потихоньку разгорается огонек надежды на что-то хорошее там впереди, которое, правда не сразу, но обязательно с ним произойдет. И эта искра будет постоянно гореть в нем, хоть как-то согревая истерзанную душу.

Их долго везли поездом, затем они шли пешком, пока не оказались в небольшом лагере в двух километрах от какого-то крошечного городка. Лагерь назывался карантинным. Непонятно только насчет чего этот карантин. Заключенных проверят здесь настолько, чтобы исключить возможность заражения от них любой болячкой. Можно было подумать, что впереди их ждет престижный санаторий или дом отдыха, а не каторга. Кормили их скверно, но отсутствие муштры и обременительных работ делали жизнь в лагере сносной. Со временем они поняли, что находятся в месте, где их просто сортируют, скорее всего, по физическим признакам и в зависимости от срока предстоящей отсидки. Те два врача, которые находились в лагере, интересовались состоянием их организмов лишь в случае заболевания, и то только серьезного. Медикаментов, кроме нашатыря, хины и йода никаких; правда были еще сода для желудка и карболка при кожных неприятностях, а комары, клопы и прочая кусачая нечисть водилась здесь в изобилии. Время от времени приезжает крытый фургон и увозит десяток полтора заключенных в неизвестном направлении, а на их место прибывают новые.

Первым человеком, с которым сошелся Макаров еще по дороге к лагерю, был ротмистр Сергей Оболенцев, уроженец Тульской губернии. Познакомились они еще в поезде: «а я ведь твой земляк, Володя, – сообщил ему высокий широкоплечий мужчина. Мой дед переселился в Крым еще в 1863, когда остались там пустыми деревни после Крымской войны. И отец родился в Ак-Мечети,* но в Тулу его вернули вместе с дедом, потомственным оружейником. Так что я тульчанин и крымчанин одновременно, кто тебе больше по душе, того и выбирай». У Оболенцева роскошная светлая шевелюра, волнистые волосы опускаются до самых плеч. «Как мне удалось, что не остригли? О! я тебе потом расскажу, это очень занятно. – Его голубые глаза

смотрят на собеседника с веселой приветливостью, чем располагают к себе исключительно быстро. В Марокко он попал еще в двадцатом, но не через Крым и Галлиполи, как Макаров, а через Одессу, будучи офицером русской Добровольческой армии генерала Деникина.

– Большевики наступали вовсю, и мы с трудом сдерживали их натиск. Нам было невдомек, что белогвардейские части отступили в город, а мы упорно удерживали подступы к нему. Лучше бы мы этого не делали, ведь наши из Одессы отправились на Дон, о чем мы не знали. Рядом с нами были французы, и мы считали – раз союзники рядом, значит все в порядке. В середине марта красные нажали так, что нам пришлось отступить. По дороге мы догнали французов и с ними вошли в город, где наших уже не было ни одного человека. Союзники спешно грузились на свои суда, и мы обратились к ним с просьбой захватить и нас с собой; дожидаться прихода большевиков нам совершенно не хотелось. И у нас к ним была одна-единственная оговорка: непременно доставить нас на Дон, туда, где сейчас шли бои. Но в ответ мы получили встречное предложение: вступить волонтерами в их армию, ведь все равно Франция продолжит борьбу с большевиками. Но для этого нам следует подписать контракт на пять лет. Понимаешь, Володя, выбора у нас не было никакого, мы либо соглашаемся, либо попадаем в плен к красным. Понятно, что мы выбрали; нас тут же нарядили во французские мундиры и на русском пароходе «Император Петр великий» вывезли из Одессы. Но вместо Дона мы оказались в Салониках. Возмущенные, мы заявили полное несогласие, но все наши протесты безжалостно отменялись, ведь мы отныне всего лишь волонтеры, подписавшие пятилетний контракт на службу во французской армии. Из Салоников нас привезли в Бизерту, а оттуда в Сиди-Бель-Аббес. После двух месяцев тренировки французским правилам нас, почти тысячу человек, влили в ряды Иностранного легиона, ведущего жестокие бои с арабами Марокко.

– И какой же у тебя теперь легионерский стаж, – поинтересовался поручик у вдруг замолчавшего Оболенцева. Вместо ответа тот приложил палец к губам; по проходу к ним пробирался маршал,* с целью захватить врасплох, разговаривающих в неположенное время. Беседовать друг с другом им, кстати, запрещалось и днем во время работы, и где-то в глубине души Владимир рад этому запрету. Занятие у них было самое нехитрое: ремонтировать рваные мешки – работа, вовсе не требующая никакого умственного напряжения и совершенно свободно можно думать о чем угодно. Поэтому хорошо, что все вокруг молчат, молчание – друг размышления, и Владимир погрузился в них целиком, как, впрочем, и все остальные, достаточно лишь только взглянуть на окружающие лица. Они все сосредоточенные и отрешенные, вряд ли такое состояние может вызвать пришивание заплат, хотя игла вещь серьезная, иногда слышится легкий вскрик, значит, кто-то уж чересчур задумался.

Так о чем же размышляет каторжанин, согнувшись над дырявым мешком с иглой и ножницами? Ну, конечно же, не о будущем, поскольку его ближайшая картинка выглядит крайне неприглядной. И совершенно не такой, как настоящее, хотя и оно тоже особо не радует, но пока еще терпимо. Будущее тревожит заключенных, потому что содержит в себе угрозу для их жизни, а вот прошлое нейтрально. Оно уже не принадлежит им, но оно их держит, и в нем можно найти успокоение и даже радость, если подходить к этому взвешенно, не брать все подряд, тем более не пытаться теперь, пусть даже мысленно изменить хоть что-то в нем. На этом можно подорваться, стараясь сдвинуть неподъемное.

Владимир твердо уверен, что воспоминание о хорошем, достойном, пусть даже трудном, но обязательно о приятном пойдет ему на пользу. Впереди непременно борьба за свою жизнь, от этого не уйти. Он уже понимает, что на каторгу его отправили не случайно, и в покое, скорее всего не оставят, так как он опасен для определенных лиц. Хотя ему пока неизвестно, в чем именно он неуютен, но думает, что скоро узнает. Для предстоящей схватки нужны крепкие нервы и душевное равновесие. И он знает, где это найти, и теперь потихоньку разматывает клубок давних событий, вытаскивая осторожно ниточку за ниточкой и необязательно в хронологическом порядке. Юность он опускает, война смешала все планы и рано сделала его

поколение взрослыми. Революция и попытка выхода из войны с немцами, перепутала все еще больше. Как все офицеры он был убежден в необходимости продолжать войну до победного конца, но видел в то же время, что с этим совершенно не согласны солдаты. Солдаты, пролившие прежде, как им казалось, свою кровь за благое дело за Веру, Царя и Отечество, но появились люди, открывшие им глаза на их невероятное заблуждение. Царь отрекся, а затем грянула еще одна революция, вконец разрушившая все прежние идеалы и ориентиры. Теперь, наконец, действительно прекратили воевать с немцами, а принялись между собой, русские с русскими. И оказалось ничто на свете не может быть страшнее такой войны. Вся Россия разделилась на два лагеря, а даже те, кто пытался сохранить нейтралитет, оказались тут же втянуты в общую кровавую бойню, где гибли наравне с воюющими. Революция, рожденная войной, тут же стала ее продолжением. Он примкнул к своим боевым товарищам, но они все оказались в стане побежденных; жизнь тогда предоставила им совсем маленький, почти ничтожный выбор: либо бежать из России, либо остаться и погибнуть. Но, кроме него, в этом мире оставались еще два самых близких существа: жена и крошечная дочь, и он не мог их взять с собой, малышка простудилась перед самым отъездом, и переход через море был для нее смертелен. Но нет, не два, а три; еще был сын, которого он до сих пор не видел и неизвестно увидит ли когда – нибудь.

Красные уже стояли у ворот Перекопа и могли их открыть в любую минуту, а он искал и не находил убежища для своей семьи. И тут явился спаситель в лице Георга Дюбуа, француза, брошенного своими соплеменниками еще в Крымскую войну. Француз приютил его семью в обмен на какую-то фантастическую операцию по спасению оставшегося во Франции его огромного наследства. Операцию, к выполнению которой он до сих пор не приступил и теперь совершенно неизвестно когда он это сможет сделать.

И после этого он покинул Родину и погрузился в бесконечные тяготы эмигрантской жизни, одинаково невыносимые, где бы он не находился: в кавалерийском седле или в мирном доме. И там и здесь он был изгнанником, человеком без родины. Воспоминание о жене, дочери и сыне, которого так хочется увидеть, вызывает грусть, но он думает, что у них все хорошо, и не просто думает, а уверен в этом. И это подтверждали их письма, которые он еще некоторое время получал. И он хоть как-то устраивает свою жизнь, подобно тысячам своих товарищей, и это ему иногда удается, но потом все рушится, как обычно рушилось и до этого. Теперь остается только мрачная тень, как в Экклезиасте: все напрасно, потому что все суета сует. А в этой тени нет места для счастья. Но его организм протестует против такой формулы, он требует другой, солнечной. В основе ее надежда – она зовет к борьбе за жизнь. Какой она станет, счастливой или нет, чуточку и в его руках. За это нужно бороться и он принимает вызов, и теперь становится легче; его душа успокаивается и значит, набирается сил.

Он латает мешок и вспоминает Крым, Евпаторию и, конечно же, море. «Свободный человек, ты всегда будешь любить море», сказал кто-то из великих. Море – это детство, а в нем, в детстве много счастливых минут. Руки матери и отца, их прикосновение, их тепло – это счастье, и оно закрывает все плохое, которое, несомненно, было. Он выпрашивает у памяти лишь приятные события, только те, что хорошо заканчивались, отменяя все неудачное.

Прозвучал гонг, означающий конец рабочего дня. После всех формальных вечерних процедур они продолжили свой вчерашний, так внезапно прерванный разговор уже после сигнала отбоя. Им уже известно, что надзиратели по какому-то негласному уговору разрешают поговорить заключенным еще минут двадцать-тридцать, не более. Потом начинаются репрессии, и можно легко угодить в карцер.

– Так вот, на твой вчерашний вопрос насчет легионерского стажа, – сразу без вступления заговорил негромко Оболенцев, – как только мой пятилетний срок закончился, я сразу же рванул в Париж. Я знал, что многие из наших уже там. И что же я получил, как ты думаешь? Да ничего хорошего. Хотя кризис по утверждениям газет уже закончился, работы не было даже для самих французов. Нет, кое-кто из россиян все же устроились. Те, кто умел хоть что-

нибудь делать, а не как я – только стрелять и махать шашкой. Вот и двинул я обратно в легион. А что оставалось делать? Нужники чистить? Или идти на гибельные ртутные или свинцовые рудники? Нет, уж лучше я здесь умру от пули или от арабской сабли, мгновенно или пусть даже через пару часов, недолго мучаясь, и это произойдет под солнцем, на свежем воздухе. Может быть, даже песню прощальную споют тихонько надо мной мои боевые товарищи. Это намного лучше, чем сперва в шахте гнить, а потом три года подыхать по богадельням, задыхаясь от кашля или еще от чего-нибудь.

Очевидно, Сергей прав, думает Макаров. Ему уже приходилось слышать подобное от тех, кто не нашел себя в мирной жизни и снова вернулся в легион. Конечно, здесь могут запросто убить, но у тебя есть возможность более – менее сносной жизни, и ко всему в легионе сейчас совершенно другие порядки. Они стали более человечные, лучше кормят и даже платят деньги. Но таких, как Оболенцев в армии с каждым годом все меньше, на гражданке теперь можно найти работу, и не ищут ее лишь те, кто уже не хочет оставить винтовку, потому как не мыслит себя в мирной жизни.

– А за что ты получил срок, – интересуется он у Сергея.

– Ты знаешь, это трудно даже объяснить. Формулировка: за самовольное оставление позиции во время боя. Держали мы высотку отделением, а когда половину из нас уже перебили и патроны заканчивались, мы решили отойти. Потом разборка пошла, кто дал команду отступить? Да никто не давал, всем жить хотелось. И пришлось взять на себя, так как жалко ребят стало, сроки всем нам грозили, а так одному мне.

– А почему не командиру отделения?

– Его, беднягу, первым убило, – ответил Оболенцев. – Ладно, давай спать, а то застучают.

Через несколько дней половину из них отправили на строительные работы; им предстоял ремонт железнодорожного полотна. Поскольку в руках у заключенных теперь не иголки, а кирки и лопаты стража держится подальше и можно разговаривать сколько угодно. Нельзя только долго стоять неподвижно или, тем более, садиться. Темы для разговоров самые различные и почти все о прошлом. О побеге вслух не говорят, это опасно. Могут донести, и тебе обеспечен дополнительный срок даже за разговор на эту тему. Но все же она возникла; ее поднял заключенный, в котором все без труда узнали того, активного, который еще в фургоне пытался отыскать лазейку. Теперь он отводил в сторонку кого-нибудь и долго с ним о чем-то шептался. Дошла очереди и до Макарова; невысокий, уже начавший полнеть мужчина остановился возле него и поманил пальцем. Они сделали несколько шагов от насыпи и остановились так, что стали невидимыми для охраны.

– Послушай, приятель, у меня к тебе есть серьезное дело, – и он жарко зашептал Владимиру на ухо. Суть сводилась к предложению бежать вместе с ним, Познеком. У него есть окно, через которое можно уйти на Канарские острова, на берегу есть человек, он поможет найти катер или парусник. За побег следует заплатить три тысячи франков, понятно, денег сейчас ни у кого нет, но тот человек подождет, пока что достаточно будет расписки. Мне нужно два-три надежных человека, таковы условия хозяина. Одного он уже нашел, но если у тебя найдутся свои подельщики то еще лучше.

Познек ему сразу не понравился: в лице слишком много лисьего, а его круглые глазки тарасились явно глупо, хотя он и пытался придать взгляду умное выражение. Макаров отказался, сославшись на плохое здоровье.

– Bravo! Вы правильно поступили, поручик, – заявил, услышав об этом, Оболенцев. – Обрати внимание, Володя, он обратился именно к тебе, а не ко мне. И знаешь, почему?

– Знаю. Потому что ты похож на губернатора, случайно напялившего на себя арестантскую робу. К тебе подойти даже страшно, – ответил Владимир.

– Ну, неужели, я и впрямь так представительно выгляжу, – рассмеялся ротмистр, – что даже могу напугать провокатора? – Оболенцев стал серьезен. – Нет, Володя. Вот ты его кожей

ощутил, но его легко можно вычислить логически. Он не подошел ко мне, потому что у меня всего лишь год, и я не сорвусь в бега, причем в очень сомнительной компании, где есть все шансы заработать пятерку за побег. Вот ты совсем другое дело, ты побежишь, так как у тебя большой срок. А теперь ответь мне, ты с кем-нибудь делился, сколько тебе сидеть? Нет! И я тоже только с тобой. А у Познека есть такая информация, и получить ее он мог только от начальства, следовательно, он с ними связан и работает на них. И ты принял правильное решение: держаться от него подальше. – Ротмистр немного помолчал, выравнивая лопатой откос насыпи, затем снова заговорил, задумчиво глядя на синеющие над горизонтом горы.

– Ты знаешь, Владимир, что я вообще думаю о побеге? В принципе, я отношусь к этому отрицательно. В перспективе у беглеца нет почти никаких шансов уйти отсюда, из центра Марокко. Другое дело с побережья, но до него еще нужно добраться, а без знания языка это немыслимо. Если бы с нами вместе, я имею ввиду, с христианами, не тянули свои сроки мусульмане, то все эти тюрьмы, лагеря и воинские части вообще бы не охранялись. Бежавшие европейцы, почти все без исключения, (если оно и есть, то очень ничтожно), попадают в плен к арабам, где их не ждет ничего, кроме мученической смерти. И тогда они идут на все, чтобы вновь вернуться под французскую защиту. Так какой смысл бежать? Не зная арабского языка, ты не сможешь перейти эти все ихние Атласы, населенные дикими племенами, а на равнинах тебя будут ждать те же арабы или патрули легионеров.

Они бы не обращали на провокатора внимания, если бы тот не развил слишком бурную деятельность. Это заметили еще несколько заключенных из старых солдат; Оболенцев взял инициативу на себя, и они прямо у насыпи, когда после обеда им разрешался тридцати минутный перекур, собрали маленькое совещание.

– Вы посмотрите, – обвел ротмистр взглядом присутствующих, – этот негодяй не унимается, видите, он принялся уговаривать молодых ребят и, кажется, успешно, судя по тому, как они перешептываются и прячут под матрасы хлебные корки. Если мы не вмешаемся, загремят они по полной. Самое страшное, что они этого не понимают, поскольку целиком доверились подлецу Познеку. Какие есть предложения?

Первое предложение – сделать ему темную – отвергли большинством. Ее, конечно, обязательно сделают, но в самом конце.

– Этому негодяю следует устроить настоящую провокацию, такую, чтобы он лишился своего хлебного места. Уже есть сведения, что за каждый спровоцированный побег эта гнусь получает солидную премию. И все начальники вокруг тоже имеют за раскрытие дела всякие преференции, включая повышение в звании или должности, потому они его всячески поощряют, – заявил немолодой усатый легионер. – Давайте подумаем день-два.

Однако решение нашлось быстрее, уже на следующий день они собрались вновь и безоговорочно приняли вариант, предложенный Оболенцевым.

– Но для этого нам нужно найти еще одного такого же негодяя, которого не жалко будет подставить вместе с Познеком, – заметил Сергей.

– А что его искать, если в лагере такой уже есть – подонок из подонков, – сказал один из заговорщиков. – Он частенько занимается вымогательством, отнимая продукты у тех, кто слабее его, а иногда и деньги. Обжора и хулиган, он из бывших немцев и кличка у него Толстый Фриц.

После того, как эта кандидатура была одобрена, принялись искать еще одного фигуранта предстоящего дела: человека внешне похожего на Фрица. Среди заключенных такого не нашлось, но они отыскивали его среди обслуги. Рабочий кухни мадьяр Мерташ вполне мог сойти за немца комплекцией и ростом, остальное решили «дорисовать». Ему налепили черные косматые брови, желтые прокуренные усы, а два верхних зуба при помощи шоколадной фольги стали похожими на золотые. Даже перстень, изготовленный из консервной банки, был как настоящий. Фриц слегка дергал щекой, у мадьяра так почему-то не получалось, поэтому

решили, что он просто будет моргать одним глазом. Все это: брови, усы, золотые зубы и дергание щекой должно будет совершаться в полумраке барака, так что мы особо не сомневались в достоверности нашего маскарада. Гораздо труднее стоило уговорить Мерташа, сыграть эту роль; мы уверяли его, что это простой розыгрыш, благодаря ему мы выигрываем пари и вместе с ним некую сумму денег. Мудрый мадьяр поинтересовался суммой и потребовал выдать ему авансом ее половину. Нам пришлось вручить ему пять франков и это, видимо, сыграло решающую роль.

Заговорщики узнали, что Толстый Фриц заядлый картежник и для него был устроен специальный сеанс, когда ему все время везло; он постоянно выигрывал и, понятно, даже не помышлял оставить игру. В это время к его матрасу, на котором возлежал Мерташ, «случайно осведомленные» люди привели Познека; в бараке было полутемно, поэтому лже-Фриц время от времени щелкал зажигалкой, якобы раскуривая погасшую сигарету (сам венгр не курил), а на самом деле, чтобы осветить накладные брови и усы, фальшивые зубы и дергающую щеку. Помимо всего, еще ругался по-немецки, этим он владел натурально. Он поведал Познеку, что намерен бежать и что с ним еще двое. И еще он хотел, чтобы Познек бежал вместе с ними для гарантии. Деньги у него есть на счете в испанском банке, как только ему удастся добраться до них, он тут же рассчитается. Дыра в ограждении, через которую они уйдут должна быть его размеров, можно и чуть больше; у него плохая свертываемость крови, не ровен час, поцарапается, тогда собаки сразу отыщут их по кровавому следу. Познек все условия принял, а также пообещал, что в лесу их будет поджидать телега с лошадью, так как толстяк признался: у него одышка и он не смает бежать более десяти минут без остановки. И это было принято тоже. Время назначено на два часа после полуночи; выходящая в это время из-за гор большого Атласа луна освещает равнину, оставляя двухметровый приземный слой в полной темноте. И ослепленным часовым на вышках в такие минуты почти невозможно рассмотреть происходящее внизу.

После того, как окрыленный Познек покинул место переговоров, стали думать, как заткнуть немца на место его будущего побега. Решили прибегнуть к помощи тех же карт; во время очередной партии в «наполеон» один из игроков, проиграв целых два франка, заявил вдруг о своей неплатежеспособности. Разъяренный толстяк намеревался уже поколотить неудачника, но тот внезапно предложил немцу заменить деньги интимным свиданием с прачкой Гортензией, которое он оплатил еще вчера, а завтра ночью, без четверти два она будет ждать его за пакгаузом. Если учесть, что прачка была хороша собой, и встреча с ней стоила не менее пяти монет, то Фриц тут же согласился. Гортензии утром показали Фрица и убедили ее в том, что он намерен осчастливить ее лично, и уплатит ей за это семь франков. Для этого она должна подойти к нему и дать согласие. Прачка тут же, не откладывая, грациозно проплыла мимо немца и бросила: «а ты мне нравишься, хомячок!» Вопрос был решен, Фриц поверил окончательно и ровно без четверти два топтался в условленном месте в предвкушении совсем уж скорого наслаждения. Условленное место было прямо напротив дыры в заборе, проделанной для побега, на которую он, впрочем, не обращал никакого внимания. Время шло; из-за угла выглядывал Познек, он ждал остальных участников побега, но никто не появлялся и он направился к Фрицу.

– Ну, что, ты скажешь? Сколько еще нужно ждать? – спросил он у немца.

Тот оторопел от подобной наглости и приказал ему немедленно убираться.

– Это я жду! Понимаешь, я! А ты тут не причем, убирайся, пока цел! – толстяк разволновался и мешал французские слова с немецкими, чем окончательно сбил с току провокатора, не понимающего этой тарабарщины. Тот решил остальных не дожидаться и попытаться заработать хотя бы на этом, схватил Фрица за руку и потащил его в дыру.

– Бежим, черт бы тебя побрал! Остальные нас догонят! Мы их подождем в лесу.

Немец вырвался и разозлившись, что какой-то фрукт хочет помешать столь желанному свиданию, влепил Познеку в его наглую рожу с такой силой, что тот улетел в проделанное отверстие. Где-то за сараем послышался женский голос, но с противоположного боку. И в этот же и без того сложный для Толстого Фрица момент, с двух сторон сразу появилось по две фигуры и направились к нему. Он понял, что встреча с этими непонятно зачем появившимися неизвестными не сулит ничего хорошего и решил покинуть опасное место через невысокую крышу пакгауза. Толстяк ухватился за ее край и попытался подтянуться и влезть наверх. Но наличник не выдержал его массы, и немец вместе с ним рухнул наземь. Он тут же вскочил, неизвестные быстро приближались, но Фриц уже теперь не слишком их боялся; численное преимущество противника было тотчас сведено к нулю доской, оказавшейся в его могучих руках. Он бросился навстречу той паре, что была ближе, и обратил их в паническое бегство, и тут же повернулся к тем, двоим, дышавшим уже ему в затылок. Схватка была короткой: через минуту его преследователи валялись на земле сбитые мощными ударами доски. Они, конечно, кричали свое «именем закона», на что Фриц не обращал ни малейшего внимания, поскольку те были в штатской одежде и он их принял за соперников по линии Гортензии. На самом деле это были агенты, которые должны были схватить беглецов, как только несчастные вылезут за проволочное ограждение. И тут, в самый неподходящий момент, появилась прекрасная кухарка, опоздавшая, как и положено настоящей даме на несколько минут. Фриц, естественно, бросился к объекту своих страданий и поспешил увести его со столь неподходящего для интимных встреч места. Доска была отброшена, поскольку ему хотелось иметь руки свободными для объятий. Этой грубейшей ошибкой тут же воспользовались его противники; перегруппировавшись, они вчетвером навалились на толстяка, скрутили и, несмотря на яростное сопротивление, надели на него наручники.

Но потом на суде им так и не удалось доказать его вину; Фриц нанял адвоката, который оказался довольно сообразительным. Он разыскал и представил в качестве свидетельницы некую Гортензию Боулл, кухарку исправительного заведения, которая под присягой подтвердила, что назначила обвиняемому свидание именно на это время и в том месте, где его схватили, что могли бы подтвердить множество свидетелей.

Познек утром появился с огромным синяком под глазом – прощальный удар Толстого Фрица, тем не менее, на эту ночь было намечено устроить ему темную. Но грянули события, напрочь отодвинувшие намеченный план по наказанию провокатора.

Утром весь личный состав выстроили на плацу, чтобы убедиться, не сбежал ли кто-нибудь в эту бурную ночь. Убедились, что все на месте, тем не менее, отменили ремонт насыпи и усадили всех латать дырявые мешки. Заключение потихоньку переговаривались, и стража не обращала на это должного внимания; все были взволнованы ночными событиями. Дыру в заграждении не заделывали; был звонок, что о раскрытой попытке уже известно в главке и теперь ожидали кого-то из Феса. Проверяющий явился в полдень, когда начальство пребывало в послеобеденной сиесте, и во дворе никого, кроме полусонного дежурного. Представительный мужчина, несмотря на жару, был в плаще, шляпе, очках и даже в легком шарфике. Все уже знали: в связи с попыткой побега к ним прибыл следователь из центра.

– Большой, наверное, – обсуждали его наряд заключенные, – или может сам преступник? гляди, шарф на подбородок напялил, да еще темные очки нацепил.

Инспектор осмотрел дыру, возле которой уже стоял часовой с винтовкой и отправился к конторке. У каторжан был сейчас законный получасовой перерыв. Оболенцев некоторое время пристально вглядывался в эту нелепую фигуру, затем зашептал на ухо поручику.

– Владимир, умоляю тебя, устрой какой-нибудь фейерверк минут через пять-десять. Если получится – век обязан буду.

– А что я могу устроить? Сережа, я не совсем тебя понимаю, объясни подробней, – поинтересовался тот.

– Ну, драку какую-нибудь спровоцируй или пожар, или еще что-то. Придумай сам, ты ведь сообразительный. Давай, я на тебя надеюсь.

После этого ротмистр поднялся и направился наперерез следователю.

– Прошу простить меня, уважаемый господин! Я хочу дать показания насчет вчерашнего. – Оболенцев вытянулся перед чиновником по стойке смирно. – Нет, только не в конторе, они не дадут мне рассказать вам правду. Давайте лучше пройдем в нашу гостиницу. – Он взял инспектора почтительно под руку, и они направились к бараку.

Пять минут, это ведь очень мало, подумал Макаров, отправляясь к туалету, стоящему в самом углу лагеря. Интересно, что это задумал мой новый друг? Навстречу ему шел усатый легионер, поручик остановил его вопросом: не может ли тот дать ему коробок спичек? Получив спички, зашел за склад, в котором хранились мешки и прочее мелкое имущество. Вокруг полно сухой травы, срубленной позавчера заключенными во время очередного приведения в порядок лагерной территории. Она была сложена в маленькие кучки, ожидая, когда ее, уже подсохшую, снесут в одну большую и сожгут. Пожар будет в самый раз, и проще, чем драка и заметнее. Когда он вышел из туалета, трава полыхала во всю, но, поскольку она была совершенно сухая, дыма не было видно. Ничего, сейчас огонь доберется до склада, нужно быстрее уматывать отсюда, как можно дальше. Макарову увидел, что в это время из-за барака показался приезжий, он подошел к часовому и отдал какое-то распоряжение. Часовой положил винтовку на землю и принялся скручивать концы разрезанной проволоки. Макаров уже сидел среди остальных заключенных, когда из караульного помещения вышел сержант; сейчас он подаст сигнал приступить к работе. Но, вместо этого, он сделал круглые глаза и заорал неистово.

– По-о-жа-а-ар! – И бросился к складу, и все дружно устремились вслед за ним. Но погасить вспыхнувший мгновенно деревянный склад быстро не удавалось; жар от сухих досок и таких же точно сухих мешков был настолько силен, что держал их всех на почтительном расстоянии. Швырять издалека лопатами землю, равно как и лить воду из ведер было почти впустую; склад горел и они, прикрывая ладонями лица от жара, стояли вокруг с лопатами. Чтобы, не ровен час, не загорелось еще что-нибудь.

Прошло немало времени, пока склад догорел до конца и все немного успокоилось. Заключенным приказали продолжить работу. Осмотр территории вокруг склада ничего не дал, на выгоревшей траве не оставалось никаких следов. Конечно, подозрение падало на всех курящих, дураку понятно, что возгорание, скорее всего, произошло от непогашенного окурка. Макарова, как некурящего даже не допрашивали, а пожилой легионер смотрел на поручика совершенно равнодушно, словно и не давал ему никаких спичек. Они приступили к работе, Оболенцева среди них не было, но охрана этого не заметила. Самых каторжан его отсутствие вовсе не интересовало; все видели, как он с тем чучелом ушел в барак. А не вернулся, так может спать лег под шумок; у них у всех слипались глаза после бессонной ночи, устроенной им Толстым Фрицем. Но никто даже не предполагал, что впереди точно такая же ночь, как и предыдущая. Когда построились на вечернюю переключку, обнаружили, что заключенный Оболенцев не стал в строй; его не нашли ни в бараке, ни на остальной территории. Все, как один подтвердили: он ушел вместе с приезжим в барак, откуда затем вышел чиновник один и направился к дыре, потом, кажется, к воротам, у которых стоял его автомобиль. Допросили часового, тот доложил: в отверстие никто не выходил, а человек в плаще и шляпе, тот, что утром прибыл в лагерь, приказал ему зашить дыру.

– Нет, он ничего не говорил, рот у него был закрыт шарфом. Он показал руками, и мне все было понятно, ведь служу уже не первый год и жесты начальства схватываю на лету, – оправдывался часовой, – я тут же исполнил, и в эту дыру из лагеря никто не вышел.

Решили еще раз обыскать барак исчезнувшего Оболенцева; в самом углу была деревянная перегородка, за ней иногда спал кто-нибудь из надзирателей. Туда уже заглядывали несколько раз, но теперь решили посмотреть и под койкой. Подняли опущенное до самого

пола одеяло и увидели там огромный сверток из еще одного одеяла. Когда его развернули, то увидели связанного по рукам и ногам инспектора в нижнем белье и с кляпом во рту. И стало понятно, почему следователь прикрывался шарфиком: нижняя часть его лица – губы и подбородок – представляла собой сплошное фиолетовое пятно, какое бывает при пигментации или рожистом воспалении кожи. Теперь всем стало ясно: из лагеря сбежал именно заключенный Оболенцев, используя внешнее сходство: одинаковый рост и комплекцию, и, самое главное, верхнюю одежду, шарф и шляпу приезжего. И вдобавок уехал на его служебном авто. Пострадавший заявил, что его раздели и связали, угрожая огромным ножом. И еще, ему кажется, нападающих было несколько, и он героически отбивался, но уступил лишь их численному превосходству.

«Все трусы так говорят», констатировал про себя начальник лагеря: часовой с вышки видел, как вместе с этим героем вошел в барак лишь один человек и точно так же один и вышел, но уже в одежде инспектора. Но он не стал перечить пострадавшему и, чтобы его хоть как-то успокоить, заверил: злоумышленников быстро найдут и примерно накажут.

– Конечно же! Вы постарайтесь, а то этот негодяй вместе с одеждой унес мои документы и деньги, – воскликнул агент.

Начальника лагеря услышанное сразило наповал: еще бы, если заключенный бежал с документами инспектора, то мы вряд ли быстро его поймем, не исключено, что этого вообще не удастся сделать. Пока оповестят посты и комендатуры, наглец сядет в любой поезд или даже самолет и через час-два окажется в Алжире или Тунисе, а там тьма судов, отплывающих во все концы света. Выяснилось, что в портмоне следователя было семьсот франков. До Америки можно добраться за такие деньги, если захотеть. Но оповещать в ту же минуту никого не пришлось.

– Прошу вас, майор, – обратился следователь к начальнику лагеря, – воздержитесь пока от сообщения по инстанции, иначе сейчас на вокзалах поднимут обычный для таких происшествий шум, и мы просто спугнем преступника. Распорядитесь сию минуту дать мне ваш автомобиль и пару охранников: мы немедленно отправимся на железнодорожную станцию. Я точно знаю, в баке моего автомобиля осталось горючего чуть-чуть, и он заглохнет по дороге, не доехав до городка. Если даже этого не произойдет, то все равно до проходящего здесь экспресса Хенифра – Фес еще целых два часа, мы наверняка сдадем его, когда он попытается сесть в поезд. И потрудитесь найти для меня какую-то одежду, не могу я просто так, в нижнем белье показаться на людях.

Майор нашел предложение следователя целиком разумным и выполнил все, о чем тот просил. И даже дал ему шестерых солдат вместо двух; пусть оцепят вокзал со всех сторон.

Прошла уйма томительных часов, начинался новый день, но следователь все еще не возвращался, хотя по времени он уже должен бы это сделать. Начальник начал нервничать и уже попытался звонить на вокзал, когда ему сообщили, что у ворот лагеря находится человек, который требует впустить его к начальству по очень важному делу.

– Кто такой? Вы проверили документы? – раздраженно спросил майор у дежурного.

– Никак нет, господин начальник, – доложил маршал, – документы проверить невозможно, поскольку их у него нет! Он утверждает, что бумаги украли вместе с автомобилем, на котором он должен был прибыть в наш лагерь с проверкой.

Ну, это уже самая настоящая чертовщина! – пронеслось в голове у начальника лагеря, – тогда выходит, что этот в шарфике самый настоящий злодей, выкрававший где-то документы и авто для того, чтобы устроить побег Оболенцеву, а затем сбежал сам на моей служебной машине? Нет, не может быть! Тогда, скорее всего, что злодей и самозванец именно этот, вновь прибывший? А не тот, уважаемый и явившийся к нему с документами и теперь самозабвенно ринувшийся в погоню за беглецом? Нужно разобраться, причем немедленно; он попро-

сил маршала привести этого человека к нему в кабинет, а самому стать у двери и никого к нему не пускать, пока он не разрешит.

Через минуту перед ним стоял невысокий полноватый господин в сером костюме. Его явно растерянный вид, равно как и отсутствие документов не внушал майору никакого доверия. Но то, что он рассказал, вполне могло случиться в этой экзотической стране; когда-то она была чисто мусульманской, а сейчас здесь полным-полно всякого жулья.

– Юльус Карони, старший инспектор главного управления Интендантской службы министерства юстиции. – Так он назвал себя, и, если бы начальник лагеря не обладал огромной выдержкой, он бы непременно подскочил в своем кресле. Ведь именно эти слова он уже слышал, причем не один раз, от человека в шарфе, шляпе и очках. Теперь майор, конечно же, внимательно выслушает историю пострадавшего.

Инспектор Карони проводил в Марокко проверку расходования продуктов питания в тюрьмах и других исправительных учреждениях, куда входили и лагеря каторжан. После посещения тюрьмы в самом Фесе, он отправился в данный пересылочный лагерь, куда смог прийти лишь сегодня. Дело в том, что в небольшом городке Азру, лежащем на его пути, произошел целый ряд событий, вначале казавшихся совершенно незначительными, но привели они инспектора к ситуации, которую иначе как критической не назовешь. Они остановились перекусить в харчевне на главной площади, затем отправились дальше, но через сто метров им пришлось остановиться: заднее колесо их автомобиля оказалось пустым. Пока водитель его менял инспектор читал в тени пальмы местные газеты; через пятнадцать минут они продолжили свой путь, и на этот раз они проехали почти километр, но пришлось остановиться снова: теперь все то же самое повторило второе колесо и тоже заднее.

– Как будто их кто-то проткнул нарочно, – ворчал шофер – испанец, выделенный вместе со стареньким бьюиком в распоряжение Карони сроком на две недели. Мастерская на площади уже была закрыта на обед, и Карони, расспросив прохожих и оставив шофера за сторожа, отправился в еще одно подобное место. Там чего-то не хватало для ремонта, поэтому он двинулся по еще одному адресу. Проведя в беспечных поисках добрых два часа, он вернулся к машине. Но на том месте, где она должна находиться, ее не оказалось, зато были два чумазных мальчишки, за пару монет они обещали ему показать, где она сейчас.

Они привели его к большому постоялому дому, там он и обнаружил своего водителя в компании каких-то подозрительных субъектов, от которых довольно сильно пахло вином. Но его водитель был трезв; он объяснил своему шефу, что автомобиль он поставил в гараж одного почтенного человека, живущего рядом с тем местом, где случилась авария. Какой-то сердобольный прохожий дал им во временное пользование колесо, и они затолкали бьюик в какой-то сарай. Свои шины они принесли сюда и сейчас ждут человека, который может их отремонтировать.

– Сколько это займет времени? – поинтересовался Юльус.

– Час-полтора, но это после того как появится мастер. Но за ним уже послали, месье.

Инспектор посмотрел на часы. Было ясно, что сегодня уже ехать нет смысла: в горах темнеет рано, ко всему сама дорога им не очень известна. Ночевать здесь ему не хотелось, поскольку сам двор показался ему шумным и не совсем чистым. Карони отправился на поиски приличной гостиницы, и все те же вездесущие мальчишки привели его в пансионат, где он снял комнату до утра. Ужинать ему пришлось в кафе неподалеку от гостиницы; за столиком он познакомился с коммивояжером, тоже заночевавшем в том же пансионате. Тот оказался интересным собеседником, знающим местные нравы и кухню, чего так недоставало Юльусу. Таджин,* заказанный новым знакомым был необычайно вкусен, и они сопроводили трапезу большой бутылкой Шато-де-мюль. За ужином они просидели довольно долго и отправились спать уже около полуночи. Утром инспектор не смог проснуться рано, что обычно он делал в любой ситуации. В голове чувствовалась необычная тяжесть, хотя пили они вчера лишь лег-

кое сухое вино. Так он провалялся в постели почти до десяти часов, чего никогда прежде с ним не случалось. Наконец, он собрался с силами и отправился на постоялый двор; к своему огромному неудовольствию он застал своего водителя еще в постели. Он намеревался тут же устроить испанцу разнос, но вспомнил свое затяжное пробуждение, и ограничился тем, что поинтересовался, в чем дело.

– Даже не знаю, месье! Вчера за ужином я ничего не пил кроме чая, но вот проспал.

– Хорошо, десять минут тебе на сборы. Колеса готовы? – поинтересовался Карони.

– Да, месье. Они лежат под чинарой в центре двора, – ответил шофер.

Инспектор отправился в указанное место, но ничего там не нашел, хотя чинара была одна. Появившийся испанец тупо смотрел на траву вокруг дерева и тер ладонью виски, словно пытаясь что-то вспомнить. Им пришлось обратиться к хозяину.

– Колеса взяли те люди, которые сидели с вами вчера за одним столом. Они сказали мне, что вы им отдали вечером ключи, и они обещали подогнать ваш автомобиль прямо сюда. Наверное, они скоро появятся, а пока вы можете выпить кофе, – закончил сообщение хозяин постоялого двора.

Водитель по-прежнему оторопело смотрел вокруг, Юльус попытался ему помочь.

– Может быть, ты все-таки выпил с ними что-нибудь более крепкое, чем чай?

– Нет, месье, вы ведь знаете, что я непьющий, – стоял на своем испанец. Это же подтвердил и официант, который подавал им на стол.

– Вашему водителю я действительно подавал только чай, а те двое, что сидели рядом пили вино, – заверил он инспектора.

Они подождали еще около часа, и Карони решил, что они попросту теряют время, и отправились во двор, в котором оставляли автомашину. Конечно же ее там не оказалось. Хозяин дома рассказал, как было дело.

– Поздно вечером пришли два человека, они принесли колеса и сказали, что им велено автомобиль доставить к постоялому двору, сам водитель устал чрезвычайно и лег спать, а ключи дал им. Они поставили колеса и уехали.

– А зачем ты дал каким-то незнакомым людям ключи?! – возмутился инспектор.

– Никаких ключей я им не давал! – испанец возмутился не меньше его, – вот они, извольте взглянуть!

Ничего не понимающий Карони отправился в пансионат, надеясь, навести справки у вчерашнего знакомого. Но того на месте не оказалось, коммивояжер уехал еще вчера. Но он оставил вам, месье, записку, – вспомнил хозяин.

Уважаемый месье Карони!

Прошу великодушно меня простить, я не мог поступить иначе. Наймите карету и отправляйтесь туда, куда и собирались. Там вы найдете свой автомобиль и все остальное, если, конечно, не станете обращаться в полицию.

Коммивояжер Брут.

P.S. Лошадей лучше всего взять у кривого Ахмина, они у него спокойные, и не дорого.

Содержание записки, конечно же, сразу потрясло инспектора, но, поразмыслив, он решил выполнить то, что ему предлагалось. У него не было никакого желания обращаться в полицию, и не потому, что Брут не советовал, а просто он по опыту знал: никакого результата он не получит, кроме лишних хлопот. Если еще вдобавок его самого не посадят в кутузку до выяснения личности, как беспаспортного. И еще его удивила забота о нем человека, только что его же обокравшего. Он отправил водителя нанять карету, а сам пытался дозвониться до тюремного лагеря, но все было тщетно – телефон не отвечал.

– И вот я здесь, майор, перед вами, и вам все обо мне известно. Клянусь, я ничего не утаил от вас и ничего не выдумал. Я ехал на этих клячах целый день и всю ночь, чтобы успеть. Хорошо еще, что кучер знал дорогу. И теперь жду вашего решения. Кстати, вы не скажете, где мой бьюик? Вы его ведь видели, верно? И как объяснил этот Брут свое поведение?

Начальник лагеря молчал; на его лице отчетливо проступило выражение мучительной работы мысли, очевидно, так же могло выглядеть лицо у Архимеда или Ньютона, перед открытием очередного великого закона. Еще бы, ответить сразу на столько вопросов! Да он видел этот бьюик, но еще утром, и где он сейчас, ему неизвестно. Так же, как и где этот проклятый Брут, уехавший на его авто. А еще заключенный Оболенцев, исчезнувший первым на автомашине принадлежащей министерству юстиции. И где до сих пор его служебный автомобиль, если прошло уже больше четырех часов, как поезд покинул станцию. И еще телефон, который молчит с самого утра. А теперь ко всему этот беспаспортный инспектор, из-за которого все и началось.

– Скажите, а не вы ли сообщили по телефону вчера рано утром о том, что прибудете к полудню в наш лагерь? Телефонисты подтвердили, что звонок был из Азру, – поинтересовался майор.

– Нет, я не звонил, скорее всего, это сделал от моего имени тот ... – Карони замолчал, но майору стало понятно, кого он имел в виду. – А где сейчас этот человек, он ведь обещал вернуть мне машину?

– Он уехал на станцию. Здесь не далеко, вы можете проехать туда на своем экипаже, – ответил майор. Ему хотелось, чтобы этот, невесть откуда и неизвестно зачем взявшийся инспектор тюремных кухонь исчез из его жизни и никогда больше в ней не появлялся. Но тот никуда ехать не собирался; он готов приступить к проверке, но сперва хотел бы получить свою машину. Майору очень хотелось уже нагрубить надоевшему инспектору, и он прикидывал, как это сделать наиболее дипломатично, чтобы тот понял, что его посылают подальше, но чтобы, в то же время не смог обвинить его самого в нарушении субординации, а тем более в оскорблении должностного лица. Но в это время он услышал звук подъезжающего автомобиля и выглянул в окно. Это был его авто, из него вышли охранники и водитель, и, естественно, больше никто, хотя он надеялся на чудо. Затем он выслушал доклад старшего, в котором не прозвучало ничего, что могло бы еще удивить начальника лагеря. Случилось все так, как он уже и предполагал.

– Когда мы приехали к вокзалу, то увидели стоящий там бьюик. Тот самый, что угнали, господин майор, – доложил унтер-офицер с порога.

– Слава Богу! – обрадовался Карони, – но почему вы не пригнали его сюда?

– Вот именно это нам и не следовало делать! – ответил унтер и вопросительно посмотрел на майора, – месье, я могу продолжать?

– Продолжайте! – сказал майор и повернулся к инспектору, – прошу вас, дайте ему рассказать все до конца.

– Так вот, мы подъехали к вокзалу, увидели бьюик, и господин инспектор сказал: хорошо, мы подъехали вовремя, он только приехал. И велел нам осмотреть привокзальные постройки, включая туалет, а сам вошел в зал и вышел оттуда через минуту.

«Его там нет, да и не должно быть, – сообщил он нам, – он очень хитер, но мы все-таки его перехитрим. Раз его нет на вокзале, то он, скорее всего, залег где-то поблизости в кустах; поезд от станции отходит очень медленно и преступник рассчитывает вскочить в него на ходу. Вы сейчас отправитесь вдоль железнодорожного полотна и тоже спрячетесь там, на тот случай, чтобы схватить его, когда он выскочит из своего убежища. Если вам не удастся его сцапать, то это сделаю я, ведь я буду в поезде, и негодяй обязательно попадет в мои руки. Но вы сразу не уезжайте, я остановлю поезд и приведу его на станцию, дождитесь меня обязательно. Это приказ, ясно?!».

Мы ответили, что нам все ясно, и залегли в кустах; луна светила изо всех сил и было видно на сотни метров вокруг. Мимо нас медленно проползал поезд, и мы внимательно наблюдали за насыпью, но там никто не появился. После мы еще ожидали в тех же кустах больше часа, на случай, вдруг пойдет следующий поезд. Потом вернулись на станцию, где сидели до тех пор, пока дежурный не сообщил нам, что наш экспресс проследовал до станции Эль-Хариб без остановки. Тогда мы догадались: если агент сцапал беглеца, то они возвратятся утренним поездом. Только после этого мы решили ехать в лагерь, не дожидаясь следователя. Когда он вернется, то сядет в свой бьюик. Именно поэтому мы его и не тронули, а на станции попросили за ним присмотреть.

Последняя фраза уже адресовалась Карони в ответ на его замечание о машине.

– Да, я чуть не забыл, господин майор, я осмотрел машину, в ней лежал пакет, я прихватил его, чтоб случаем не сперли, – спохватился унтер и протянул конверт.

Теперь он преданно смотрел ему в глаза, явно ожидая похвалы за правильные действия. Начальнику лагеря действительно ничего не оставалось, как поблагодарить и отпустить его, пока он не сказал ничего лишнего. Он остался наедине с Карони. Что же с ним делать? Может ему стоит заглянуть в конверт, тем более, что на нем гриф «секретно»? Нет, потом. Сперва разберемся с его машиной.

– Вы слышали, что ваш бьюик находится на станции? Я распоряжусь, вас отвезут туда с вашим водителем, а после возвращения мы продолжим беседу.

Карони уехал, теперь майор заглянул в конверт; на тонкой бумаге, какие он обычно получал из центра краткий текст.

«Прошу подателю сего документа, старшему инспектору пенитенциарной службы лейтенанту Карони Л. передать заключенного № 26173 для доставки в прокуратуру Феса. Обеспечить охрану в пути следования. Исполнение немедленное. Подпись. Печать.»

Конечно же, это фальшивка: подпись неразборчива, печать смазана, порядковый номер приказа отстал от последних циркуляров на пару сотен номеров и прочие нестыковки. Все это его опытный глаз заметил тотчас, но не об этом сейчас он должен думать; ему кажется, эта бумажка, оставленная почему-то злоумышленником в машине, несет в себе спасительный выход из столь опасной ситуации. Даже без этого фальшивого приказа у него была полная возможность свалить вину за все сегодняшние неудачи на этого Карони. Судя по всему, инспектор доверчив и наивен и справиться с ним не составит большого труда, но к этому все же следует подготовиться. Он тут же вызвал к себе своего заместителя и подробно его объяснил ему, что тот должен сделать в ближайшее время.

Теперь ему следует подумать, в каких конкретных промахах следует обвинить Карони, чтобы у того не было возможности отвертеться. Самое непонятное в этой истории то, что бежал заключенный именно с номером указанным в приказе, хотя этого приказа, пусть даже поддельного, никто в глаза не видел. Скорее всего, это просто совпадение, но оно тревожит его сейчас больше всего, потому что он не любит совпадений.

Когда Карони снова уселся перед начальником лагеря и радостным голосом сообщил, что с автомашиной все в порядке, да и не только с ней; этот чертов Брут, даже мои документы оставил в перчаточном отделении. Так что недоразумение можно считать улаженным, и он готов приступить к проверке, ради которой он сюда и прибыл.

Но майор не разделил радости инспектора. Наоборот, он долго барабанил пальцами по крышке стола, взирая на Карони со всей суровостью, на какую только был способен.

– А вы знаете, лейтенант, что я должен немедленно вас арестовать и в кандалах препроводить в Фес, как опаснейшего преступника! – открыл, наконец, рот начальник лагеря.

Карони недоуменно взглянул на него, все еще продолжая улыбаться и думая, что тот просто шутит, но взглядевшись в его лицо, понял свою ошибку и горячо возразил.

– Для этого у вас нет никаких оснований! Это какое-то недоразумение!

– Оставьте, лейтенант! Оснований предостаточно! – так же горячо продолжать атаковать майор, – давайте я изложу их вам в хронологическом порядке. Первое действие: вчера рано утром, обратите внимание – рано утром! в моем кабинете раздается звонок, и некто мне сообщает, что он, инспектор Карони прибудет ко мне в лагерь с инспекционной проверкой. Я тут же перезваниваю в штаб и получаю подтверждение этому звонку. «Да, ждите, к вам едет инспектор». Действие второе: в полдень приезжает некто с вашими документами, прячущий свое лицо, чтобы не сверили с фотографией. Оказывается, это прибыл некто Брут, который толи украл у вас, толи вы ему одолжили автомобиль вместе с документами. Он меняется одеждой с опасным преступником и тот уезжает на вашем авто в неизвестном направлении; следом исчезает и сам Брут, уже на моей машине. Но я предоставил ее лишь потому, что продолжал считать его инспектором Карони, согласно вашим документам, автомобилю и, главное, звонку. Действие третье: рано утром у ворот каторжного лагеря появляетесь вы, называетесь инспектором Карони, интересуетесь, где ваш автомобиль и человек, который им пользовался. Еще вы показываете мне записку, от этого человека, в ней он просит вас не беспокоиться насчет машины, поскольку обещает вернуть ее в полной сохранности. В этой же записке и забота о выборе лошадей для вас, и в довершение всего в машине предусмотрительно оставляют ваши документы. Мне кажется, что мы наблюдаем здесь великолепно согласованную работу двух преступников, которые не только делают свое дело, но и всячески заботятся друг о друге. Что вы на это скажете? Говорите же, лейтенант, оправдывайтесь, у вас есть пять минут, пока я не вызвал конвой.

Майор закончил обвинительную речь и с самым победоносным видом взирал на продолжающего молчать инспектора. Похоже, что я свалил этого хлюпика с первого раза, пронеслась в голове у начальника, сейчас самое время продиктовать ему мои условия. Он уже собирался это сделать, но Карони жестом остановил его.

– Только что, майор, я стал свидетелем довольно бестолкового, если не сказать точнее, глупого выступления, какие не так уж часто приходится слышать. Вы разделили его на пункты, позвольте мне сделать то же самое. Пункт первый, – я мог бы не обращать на него никакого внимания, но я это сделаю, хотя бы затем, чтобы для начала поставить вас на место: вы не имеете никакого права разбирать мои действия. Вам прекрасно известно о том, что звание майора не дает вам никаких преимуществ перед моим званием; будь вы хоть генерал, вы всего лишь начальник проверяемого мною лагеря и на время проверки подчиняетесь мне, как высшей для вас инстанции в настоящий момент. А вот ваши действия мне полностью подотчетны. Поэтому ответьте мне, почему вы не сверили представленный вам документ с личностью, которая его вам предъявила? Вы не можете мне ответить, поскольку не знаете что сказать. А я вам помогу. Злоумышленник позвонил вам намеренно, точно рассчитав, что вы наведете справки в штабе, и на этом вся ваша бдительность исчерпается. Второе: не проверив, как следует, документы, вы допустили неизвестное лицо на территорию лагеря безо всякого сопровождения, что запрещено категорически Уставом. И позволили ему общаться один на один с заключенным, что запрещено еще больше. Дальше вы вручили ему свой автомобиль с конвоем, не удосужившись назначить старшим любого из ваших офицеров, хотя в данном случае, вам надлежало бы лично возглавить операцию. Вы же, майор, взвалили все на малограмотного безответственного унтера. Тот даже не удосужился заглянуть в здание вокзала, где бежавший заключенный преспокойно пил в это время кофе в буфете. Ваш унтер осмотрел пустые пакгаузы и туалетные комнаты, а затем отправился в засаду на такую же точно пустую придорожную насыпь, тогда как злоумышленники сели в подошедший поезд и отбыли в нужном для них направлении. И третье: уже на исходе вторые сутки, как бежал ваш заключенный, а вы до сих пор не удосужились сообщить об этом в центр и поднять тревогу на пропускных пунктах, гарнизонах и железнодорожных станциях. – Карони продолжал беспощадно громить майора неопровержимыми аргументами. – Знаете, где они сейчас? Они уже благополучно, никем не потрево-

женные добрались до Эль-Хариба, откуда можно двинуть на запад к портам Касабланка или Мохаммедия, а там – плыви, куда захочешь. Или на восток через Бу-Дениб в Алжир, откуда тоже скрыться пара пустяков для таких специалистов, с которыми похоже мы имеем дело. Или даже продолжать свой успешный поход до Танжера, пароходы из его порта уходят во все концы земного шара. Вам еще рассказать, майор, куда могут двинуться выпущенные вами лично на волю преступники или этого достаточно? Я могу ...

Лейтенант собирался продолжить, но в этот момент распахнулась дверь его кабинета, и в него без доклада вошел, вернее вихрем ворвался заместитель начальника лагеря.

– Разрешите доложить, господин майор! Сбежавший вчера заключенный номер 26173 схвачен, вернее, найден, – лейтенант щелкнул каблуками, – куда его прикажете?

Конечно же, этот доклад был частью того хитроумного плана, разработанного самим майором, но сейчас сообщение капитана было несколько некстати, из-за столь резкого контрвыпада приезжего эмиссара, и майор было несколько стушевался, не зная, как ему теперь поступить, но ему неожиданно на помощь пришел сам Карони.

– Я поздравляю вас, майор! Сообщение вашего помощника в корне меняет дело. Скажите лейтенант, вы уже допросили беглеца? – поинтересовался инспектор.

– Никак нет! – бодро ответил тот, – мы его подстрелили при попытке к бегству, и, кажется мне, что он теперь больше ничего не скажет.

Все понятно, подумал Карони, очередная фальшивка, сейчас майор попытается втянуть меня в темную историю. И как бы мне этого не хотелось, я должен буду ему подыгрывать.

Он не ошибся, майор тут же выставил своего заместителя за дверь и завел издали разговор о том, что они оба не совсем благополучно выглядят в этой истории, а сейчас сама судьба предоставила возможность несколько исправить положение.

– Вы, очевидно, хотите, уважаемый, – инспектор сменил прежний тон на чрезвычайно миролюбивый, – чтобы я сделал какие-то шаги, подтверждающие задержание вчерашнего беглеца? И в ответ вы забудете о тех неувязках, которые случились ранее между нами?

– Я уже забыл о них, лейтенант. Не извольте беспокоиться: окончательное мнение обо всем случившемся за эти два дня будет таким, каким пожелаем видеть его мы с вами.

Придется соглашаться с этой бездарью, промелькнуло в голове у инспектора, у меня самого достаточно проколов с этим Брутом. Ну и кличку выбрал этот проходимец! Как же она соответствует его ловкачеству! Следует признать, что саму операцию Брут провел классически: проколол шины, подсыпал снотворного мне и водителю, похитил автомашину и документы, быстренько примчался в лагерь, где поменялся одеждой с заключенным под номером 26173. И это не простая случайность, именно за этим человеком Брут и прибыл в лагерь, судя по заранее подготовленному приказу. Кто эти люди, ему еще предстоит узнать.

Сам Юльус Карони на самом деле является штатным сотрудником Генеральной дирекции внешней безопасности Франции, именно, отделения разведки. Его инспекторская поездка по местам заключения, это всего лишь ширма, за которой скрывается работа по вербовке агенты. И сейчас он понял: только что, на его глазах провели блестящую операцию люди, которые ему так нужны, ибо это его будущие агенты. И тут же в его голове промелькнула мысль: эти люди, скорее всего, уже настоящие агенты, но никак не будущие. Возможно, русские, поскольку бежавший из лагеря Сергей Оболенцев бывший ротмистр белогвардейской Русской армии. И Брут, скорее всего из этого же гнезда. Неплохо было бы завербовать их, настолько они толковые, судя по почерку. Но их уже не найти, поэтому он интересуется: с кем больше всего общался в лагере Оболенцев. Оказалось, как и предполагал Карони, это еще один русский – Владимир Макаров, поручик той же белогвардейской армии. Скорее всего, он каким-то образом помог бежавшему ротмистру, но прямых улик нет и придаться к Макарову невозможно. Карони решил взять его на заметку, возможно, что он позже вернется к этому человеку, он явно заслуживает внимание. Из его личного дела следует, что на каторгу поручик попал из-за

инцидента с генеральским сынком, он не позволил ему убить старика араба и двух его малолетних внуков. Черт, с кем вы воюем, в конце концов? Со стариками и детьми, что ли? Самое неприятное, что причиной всему послужил богатый караван этого араба. Сейчас генерал Гильбер де Бретонье выдвинул свою кандидатуру на пост губернатора Феса, потому Макаров и угодил на пять лет, чтобы не навредил избирательной кампании. Хорошо еще, что хоть в живых оставили. Ладно, решает Карони, я еще вернусь к этому русскому, и он делает пометку в своем блокноте.

На следующий день Макарова привели в канцелярию на допрос; его проводил сам начальник охраны, кроме него в кабинете был писарь, который, очевидно, вел протокол.

– Нам доподлинно известно, что ты являешься прямым сообщником побега, и что это ты устроил пожар. Лучше будет, если ты во всем признаешься, – заявил ему офицер.

– Вы ошибаетесь, господин капитан. У вас нет никаких оснований подозревать меня в таких преступлениях, я ни в чем не виноват, – защищался поручик, – у меня даже спичек нет, ведь я некурящий. И с беглецом почти никогда не общался.

Макаров старался держаться спокойно, хотя на душе кошки скребли насчет спичек, если легионер проговорился, то ему не выкрутиться. Но его опасения были напрасны.

– А может ты украл у кого-нибудь спички, – вставил свое мнение писарь, – и подпалил!

– Украл?! Да ты попробуй, укради у кого-то спички, сразу морду набьют. Их даже ночью за пазухой держат, а днем и подавно берегут, поскольку это дефицит.

Ему задали еще несколько вопросов, но он держался уверенно, так как чувствовал: против него определенного ничего нет, кроме того, что его и бежавшего ротмистра матрасы лежали рядом и его допрашивают, надеясь поймать на какой-нибудь нестыковке. Наконец, капитану это все надоело.

– Ладно, не хочешь сознаваться, дело твое, но тебе же хуже будет. Мы так и укажем в сопроводилке: способствовал организации побега. А сейчас иди, собирай вещи, поедешь в настоящий каторжный лагерь, там тебя уже наверняка заждались, – закончил он допрос.

После этого с Владимиром беседовал какой-то штатский, он пытался разузнать что-нибудь об Оболенцеве, но ничего не добившись, применил недозволенный прием.

– Ты посуди сам, поручик, твой дружок бежал на пятиместном авто, а тебе даже не предложил присоединиться, а ты теперь его защищаешь, – сказал ему собеседник.

– Но его сейчас похоронят, а я остался жив, он потому и не предложил, – рассмеялся в ответ Макаров, – этим он сберег меня, и теперь к нему нет у меня ничего, кроме благодарности.

По веселому смеху собеседника Карони, (а это был он) догадался: всерьез в то, что беглец убит, никто в лагере не поверил. Вдобавок, теперь у него алиби на всю жизнь.

После столь удачного побега Оболенцева у Макарова стало легче на душе. Вот и подвернулся его величество случай, не упустил его Сергей и свободен; хотя, если над всем этим задуматься всерьез, то можно догадаться, что это не просто случай, а, скорее всего, хорошо продуманная операция, оставившая в дураках все лагерное начальство. Ему тоже нужно ждать спокойно без паники и искать благоприятный момент. Поручик покидал пересылочный лагерь в приподнятом настроении.

В этот же день его и шестерых заключенных, отобранных из общего числа по каким-то, никому неизвестным признакам, в закрытом фургоне отправили в каторжный рудник, затерянный среди крутых холмов Среднего Атласа. Во время их переезда из одного лагеря в другой, долгого из-за крайне плохой дороги, Владимир мог спокойно поразмышлять о недавнем событии. В том, что ротмистр Оболенцев, всего лишь несколько часов тому назад доказывающий поручику о бесполезности побега, бежал, не было ничего противоречивого. Твердо убежденный в правильности своей концепции о гибельности такого действия вначале, он ее изменил на сто восемьдесят градусов, как только увидел реальную возможность уйти совершенно без-

опасным образом. Макаров уверен: перемена каким-то образом связана с появлением в лагере нового действующего лица – человека в шляпе и с лицом наполовину закрытым шарфом. И начальник лагеря, и этот штатский упорно расспрашивали поручика о нем. Майор даже пообещал Владимиру, что если он проявит благоразумие, то его оставят до конца срока в пересылочном лагере.

– Ты только расскажи, кто был этот, второй – останешься в этом лагере, заживешь здесь спокойной жизнью. Разве трудно мешки зашивать? В шахту не попадешь, да и выйти сможешь досрочно, если не по амнистии, то за примерное поведение. Ты ведь эти два месяца спал рядом с Оболенцевым, неужели он ничего тебе не рассказывал о своем поделнике, который помог ему бежать? Ты подумай хорошенько, помоги нам, а мы тебе!

Но он не мог им помочь, да и не стал бы этого делать, даже если бы что-то знал. Зато теперь в его душе добавилось оптимизма, и с ним намного легче.

В новый лагерь их привезли рано утром; несмотря на ранний час там уже начались повседневные работы, и на плацу было пусто. Почти полчаса они ожидали, когда к ним выйдет начальство, а пока что осматривали место, где каждому предстояло провести бесконечное число своих дней, отмеренных судом. Лагерь оказался намного больше прежнего пересылочного. Еще бы, в нем содержалось более пяти сотен заключенных; здесь и ограждение повыше и вышек с часовыми больше. Слева от площади десятков бараков, в центре несколько каменных зданий, выстроенных, как могло показаться даже неискушенному в архитектуре лицу, в восточном стиле – возле одного из них высится башня минарета. Справа, в глубине лагеря, распахнутые настежь ворота, их темные провалы ведут куда-то вглубь холмов; время от времени оттуда выкатываются тележка с рудой и исчезают за следующими холмами, возвращаясь порожняком через несколько минут. Толкают их туда-сюда полуголые каторжане темные лицом и телом; что это, загар или грязь отсюда не рассмотреть. Они расспрашивают обо всем стоящего возле них солдата с винтовкой; приставленный их стеречь, он явно скучает и поэтому охотно дает пояснения. Наконец появился офицер в чине капитана, он произнес краткую речь о том, что в лагере разрешено, а что под категорическим запретом. Разрешается им, как стало теперь им известно, спать семь часов в сутки, остальное время они обязаны работать. Но, кроме сна, времени для отдыха у вас предостаточно: полчаса на завтрак, столько же на ужин и целый час на обед. И еще целый час перед отбоем отводится на личные нужды, естественно, только для тех, кто не заработал взыскание. Выходных и праздничных дней не предусмотрено, это не санаторий, а лагерь для лиц, заработавших своим собственным поведением каторжный срок. И его следует отработать. О побеге даже думать не стоит, за последние десятки лет отсюда никто не убежал, попытки, конечно, были, но все они заканчивались печально; одного подстрелили насмерть, одного разорвали собаки, еще трое получили прибавки в виде пятилетнего срока.

После этого все тот же солдат отел их в санчасть, где их осмотрели и сделали прививки от столбняка и еще чего-то. Потом они посетили каптерку, где каждый получил одеяло, полотенце и кусок мыла в бумажной обертке. Капрал, который выдавал постель, одновременно называл номер барака, где предстояло жить новичку.

– Если можно, поселите меня в девятый, господин офицер, – смиренно обратился Макаров и сунул руку в карман. Иногда такой номер проходил, тем более, он назвал его офицером. – Слышал я, земляки там живут. – Это заявление – результат его разговора с солдатом. Капрал внимательно ожидал возвращения руки, увидев ее пустой, возмутился:

– Хитер! В пятый! В девятый будешь ходить в гости, это недалеко. Следующий!

Когда они отправились к баракам, идущий рядом заключенный предложил поменяться.

– Давай я пойду в пятый, мне все равно, где спать, – сказал он Макарову.

Они поменялись картонными талончиками с номером, и Владимир занял место в низком бараке, крытом гофрированным железом. Остаток дня вновь прибывшим ничем не заняли, и они наслаждались столь неожиданным отдыхом. На вечерней поверке он стал в команду девя-

того барака, а когда после переключки прозвучала команда разойтись, его остановил тот самый капрал, выдающий картонные ордера.

– Свой первый день ты начал с нарушения, поздравляю! Думаю, что это плохо кончится, – заявил он, – сейчас я придумаю тебе наказание.

Дабы его избежать заранее, поручик вытащил из кармана автоматический карандаш – прощальный подарок Оболенцева – и вручил унтеру.

– С этого нужно начинать, – осклабился тот, – этого мало, но, ладно, живи пока.

Макаров знал, что ему, как новенькому, предстоит проверка, но не очень переживал по этому поводу, поскольку тебя испытывают такие же, как и ты сам, заключенные. Вечером, когда в бараке собрались все его обитатели, и он уже начал знакомиться с соседями, подошли трое. На первый вопрос – ты кто? он спокойно ответил – солдат. Поскольку троица своим видом показала, что этого мало, добавил: бывший солдат иностранного легиона. Но такой ответ их тоже не устраивал.

– Мы не об этом, – уточнил мордатый со шрамом на подбородке, – мы тут все бывшие солдаты. Кто ты по национальности, вот что нам интересно.

Владимиру уже не единожды приходилось входить в новый коллектив в армии и к заключенным, но так вопрос никогда не ставился. Обычно спрашивали, из каких ты краев, из какой страны, но национальностью, равно как и социальным положением, никогда не интересовались. Ты мог сам об этом рассказать, если имел желание. Здесь что-то не так.

– Мне что, паспорт собираются выдать, раз такой вопрос? – поинтересовался он.

– Паспорт, не паспорт, ты отвечай, о чем тебя спрашивают, – вмешался второй делегат. Макаров вполне мог уйти от прямого ответа, но ему не хотелось обострять отношения с первого дня, не разобравшись в обстановке. Тем более, то, что он поселился в «русском углу», как выразился его сосед по матрасу, говорило о том, кто он есть.

– Владимир Макаров, бывший поручик Добровольческой белой, а затем Русской армии, бывший сержант Первого кавалерийского полка Иностранного легиона, а ныне каторжный заключенный номер 21069 перед вами, – не поднимаясь с матраса, доложил он троице, – вас это устраивает? А теперь прошу вас представиться тоже.

Делегация никак не ожидала такого поворота, и самый младший уже совершенно смущенно сообщил, что он из Сараево, но толстяк со шрамом грубо прервал его.

– Не смей оправдываться перед этим русским! Мы принимаем новичка, а не он нас, и мы не обязаны представляться. Это обычная русская наглость, но мы тебя от нее быстро отучим, вот увидишь! – После этой угрозы они удалились, предавая на ходу анафеме всю русскую нацию и находящихся в бараке русских заключенных в частности.

Русские сокамерники одобрили поведение Макарова, но он понимал, что дело простым разговором не кончится. И ему с первого же дня стало ясно – жизнь предстоит очень даже непростая, если вообще, она будет возможна, эта жизнь. В девятом бараке, в котором его поселили, из всех обитателей двадцать три разномастные уголовники, остальные в их полнейшем подчинении, если быть точным, даже не в подчинении, а на положении безропотных, забитых и запуганных рабов. На протяжении недели обитатели барака присматривались к поручику, а он к ним. Но полный расклад сил на сегодня ему стал ясен только после разговора со своим соседом по бараку; Иван Гурин называет Владимира земляком, поскольку сам он родом из – под Херсона.

– Ты понимаешь, четверо нас было, легионеров из Марокканского полка, нас обвинили в попытке к дезертирству, которой вовсе не было: мы просто заблудились среди этих чертовых холмов. Дали нам, вначале, по три года, а потом скостили наполовину. Вот и роем теперь эту треклятую руду. Одного недавно завалило в шахте, ты теперь на его месте. До окончания срока менее пяти месяцев, поэтому мы решили ни во что не вмешиваться. Иначе можно самому себе добавить срок, – поведал о своей судьбе Иван.

– И что эти уголовники постоянно вами помыкают? – спросил поручик.

– Нет, раньше в бараке нас было почти поровну, нас легионеров девять, а их, бандитов, тринадцать. Остальные полный нейтрал, ни во что не вмешивающийся. И все это время мы их колотили, причем славно колотили. Но потом, очевидно они уговорили надзирателей, и наших потихоньку стали расселять по разным помещениям. Теперь нас в каждом бараке по четыре-пять человек, ясно, что бал везде правят уголовники. В нашем бараке нас теперь девять вместе с тобой, а уголовников больше чем вдвое. Расклад не в нашу пользу. Начальству на наши просьбы наплевать, они всегда на стороне бандитов, потому как одной с ними крови. Думаю, тебе бы найти приют, где легионеров больше, иначе тебе будет плохо.

– А что мне грозит?

– Да все, что угодно! Они пока присматриваются, что ты за птица, не стоит ли за тобой кто-нибудь из тюремного начальства. Но, как только узнают, что защиты у тебя никакой нет – все! Издеваться начнут, а ты парень еще молодой, горячий. А что один, против двадцати? Ничто. Сомнут они тебя ...

– А вы, не поддержите?

– Боюсь, что нет. У Максима, вон, руки свело, едва вагонетку толкает, куда ему драться?! Выходит, нас восемь. Один против троих – дохлый номер! Нас же потом и обвинят, как зачинщиков, будь уверен! А за драку срок добавят, а потом и на свинец, или еще хуже, на ртуть загремишь, а там – хана! Нам же, представляешь, дотянуть осталось всего ничего: сто сорок три дня на сегодня.

– Потом отпустят на свободу?

– Какое там на свободу! За попытку побега, после как отбудем каторгу, новый срок службы влепят. Но это уже, все-таки, совсем не то, что здесь.

Да, тут он, пожалуй, прав, подумал Макаров. Он с легкой грустью вспомнил о службе в легионе, которую начал в Тунисе осенью в двадцать первого года. Когда внезапно врывающийся с юга ветер под названием сирокко приносил настолько сильную жару, что она вызывала спад в армейском распорядке, тогда легионер имел по пять-шесть свободных полуденных часов, а выходные дни, зачастую, были свободны полностью с утра до вечера. Здесь же семь часов на сон и три на все остальное, и почти пятнадцатичасовой рабочий день, без выходных и праздников. Кормят, правда, более-менее нормально. Попытки морить голодом приводили к тому, что выработка руды падала катастрофически. И есть еще карцер: пятиметровая яма с отвесными стенами и с грязной водой на дне. Человеку, сидящему там, выдавалось триста грамм хлеба и котелок воды на сутки, и котелок супа один раз в три дня. На ночь ему сбрасывали одеяло, но спать практически было невозможно, даже сидя. Попасть же в эту яму можно было за любую провинность: здесь все на усмотрение надзирателей, привыкших иметь дело с убийцами, насильниками и грабителями. Сама мысль о том, что заключенный может оказаться нормальным человеком не способна даже возникнуть в мозгу, до отказа переполненном насилием и жестокостью.

Боевые действия против него уголовники начали в столовой, где в постоянной толкотне можно пакостить незаметно. Во время завтрака, проходящий мимо зек опрокинул полую куртки его кофе. Владимир не успел даже заметить виновника; в столовой на один прием расаживали сто человек, чтобы за час пропустить весь лагерь, их заставляли двигаться в предельно быстром темпе и толкнуть кружку мог кто-нибудь нечаянно. На следующее утро все повторилось, и он понял, что это не случайность. Он даже успел заметить, кто. Теперь его кофе стоял перед ним, далеко от края стола. Тот же самый человек, горбатым носом и смуглой кожей смахивающий то ли на грека, то ли на испанца, остановился перед ним и высыпал в его кружку горсть соли. «Это тебе, сволочь, вместо сахара!» Владимир никак не прореагировал на это. На следующий день, тот же горбоносый плюнул в его кружку, которую поручик тут же выплеснул в его ухмыляющуюся рожу. Бандит кинулся было к нему, но его схватили стоящие рядом, ско-

рее всего, единомышленники; за драку в столовой полагался карцер. Они поджидали его за углом столовой, на пути к плацу, где их выстраивали перед отправкой по шахтам; плюнувший в кофе и верзила за его спиной. Владимир сразу ударом в челюсть свалил первого и замахнулся на второго, который тут же отскочил в сторону. Вечером, после отбоя, лежащий рядом Иван зашептал ему на ухо.

– Завтра, земляк, берегись. Они собираются разделаться с тобой, когда ты пойдёшь в туалет перед отбоем. Ребята подслушали...

– Спасибо... – Владимир задумался, – сколько их будет, не знаешь?

– Нет. Но думаю, не меньше трех. Больше собираться запрещено, но, кажется мне, что может быть и две тройки, они ведь трусы, – он помолчал, – пошел бы я с тобой, плевать мне на все, да выйти они мне из барака не дадут, сразу заблокируют. Ты попробуй поискать ребят из других блоков, я тоже попробую... Сутки в нашем распоряжении, улавливаешь?

Вместе с Владимиром в забое работают два брата-испанца. По установившимся лагерным правилам составы троек в течение одного-двух месяцев меняют; таким образом, лагерное начальство пытается устранить всякие предпосылки к побегу. За столь короткий срок не успеют сговориться. Кроме того, пришедший в тройку новичок может оказаться провокатором. Но их тройку пока не трогают; может быть, причина в хорошей выработке. Поручик быстро сошелся с братьями; на свободе оба занимались торговлей в Касабланке, а на досуге посещали школу бокса. За что их упекли на каторгу, они не могут понять до сих пор. Во время круиза по Средиземному морю на теплоходе, где они устроились кельнерами на время отпуска, произошла крупная кража драгоценностей, в которой обвинили их, братьев Горрадос. Теперь они подолгу обсуждали происшедшее, но так и не смогли сообразить, почему после вечеринки в их каюте обнаружили кое-какие мелочи из похищенного, а все остальное куда-то исчезло. Они утверждали, что после работы изрядно перебрали спиртного, уснули мертвецким сном и не покидали каюту, но нашлись очевидцы, якобы видевшие их в коридоре кают высшего класса. При обыске у них обнаружили ключи от сейфа и пустую шкатулку. Так как с верхней палубы исчезла надувная лодка, то следствие предположило, что судно покинули сообщники братьев. Несчастливым кельнерам предложили сообщить имена и адреса подельников или им придется отправиться в тюрьму. Так они оказались на руднике; их выпустят лишь после того, когда они вернут украденное, то есть, в данной ситуации, никогда. Владимир утешал ребят, как мог, хотя сам понимал, насколько безнадежно их положение. Теперь прямо в шахте они учат его испанскому языку, а он их, боксерским премудростям. Утром он поведал им о своих проблемах; молодые люди тотчас же выразили живейшее желание поучаствовать в этом деле, которое тут же окрестили «тренировкой». Предложение подраться вызвало у рослых, физически развитых братьев настоящий восторг. Макаров, как только мог, пытался охладить их пыл, предупредив, что вмешаться они должны только в самом крайнем случае, при большом перевесе сил противника, если же их будет двое-трое, то не подходите, справлюсь сам. И постарайтесь не выставить лица в лунном свете, не исключено, что потом будут разборки. Они прогулялись от барака к туалету, держась на расстоянии, и жестами составили примерный план.

Поближе к отбою, когда его уже, наверняка, ожидали, он вышел из помещения, но двинулся не прямо, а обойдя два соседних барака, подошел к туалету с противоположной, северной стороны. Сзади уборной маячили две фигуры, он прошел мимо них, уткнув нос в поднятый воротник куртки. Еще двое стояли там, где тропинка, обсаженная кустами скумпии, делала поворот; оба смотрели на юг, на барак. Владимир подошел сзади, боясь ошибиться и напасть на невиновных, он прошептал, – ну, что, не было? – и получил ответ. – Еще нет! – После этого они испуганно обернулись. Неверный свет луны несколько искажает черты лица, но своего кофейного обидчика он узнал сразу и сбил его одним ударом; со вторым пришлось немного повозиться. Но уже со стороны туалета послышались шаги – это торопилась помощь, и он едва успел вскочить в кустарник. Подбежавшие остановились, как вкопанные возле валя-

ющихся на земле соратников. На вопрос, что случилось, не услышали ничего, кроме мата. А поручик вышел из кустов и как тень, стоял уже у них за спиной. Он хлопнул ближайшего по плечу, когда тот оглянулся, вlepил ему с правой и левой, второй тут же бросился бежать. Кофейный «плевала» уже поднялся, но поручик уложил его еще раз. Он отправился в барак и через несколько шагов наткнулся на лежащего на дорожке человека. Ясно, что это была работа испанцев, именно в этом месте скрывался его резерв.

– Ребята, на этом все. Спасибо! – негромко бросил он в сторону кустов и ушел в барак. Земляк еще не спал, как оказалось не из простого любопытства.

– Ну, как отбился? – шепотом поинтересовался он. – А я уже подготовился, если вдруг полезут. – И показал две увесистые дубинки. – Я их из крепежного леса вырезал, если сунутся, будем бить по головам, лезть то им придется на четвереньках! Ты спи, в случай чего, я тебя толкну.

Макаров рад столь внезапно появившемуся боевому духу у его соседа. Разгоряченный схваткой, он долго не может уснуть. Так же долго не появляется и напавшая на него четверка. Интересно, что они там делают? подумал он, засыпая.

Утром братья поведали ему о последующих событиях. Они признались честно: после того, как они свалили первого противника руки стали чесаться неимоверно, очень уж хотелось подраться! А тут вся троица вывалилась из-за поворота, и наткнувшись на своего коллегу, принялись пинать его ногами, обвиняя в трусости и предательстве.

– Если бы ты не убежал, – укоряли они бедолагу, – мы бы им, этим трусам не дали бы спрятаться в кусты...

Тут уж испанцы не выдержали и выскочили. Драться пришлось с превосходящими силами, да и презлющие были бандиты, так что пришлось нам напрягаться изо всех сил, у них еще и кастеты были, они пытались их одеть, но мы не дали, колотили их до тех пор, пока они не стали проситься.

– Что самое интересное, Влад, никто так и не вмешался в это дело. Понятно, надзиратели уже по своим конурам дрыхнули, но часовые на вышках видели всю эту свадьбу, и никто не только не выстрелил в воздух, но не пустил даже пар изо рта. Значит, заказано все это было! Нужно тебе теперь быть осторожнее, а мы по вечерам будем прогуливаться поблизости.

Владимир, сперва пожурил их за самовольство, но дальнейшие события показали, что инициатива братьев принесла неожиданно хорошие плоды. Дело в том, что бандиты так и не смогли разобраться, кто же их поколотил у туалета. Так как Макаров в барак возвратился довольно быстро, то у его противников появилась мысль, что тот, вообще, не участвовал в потасовках. Тогда, кто же это был? Избитые, чтобы оправдать свое полное фиаско, заявили, что против них выступили не менее шести человек. Из девятого барака никто не выходил, тогда откуда взялись эти шестеро? Поскольку охрана не вмешалась, уголовники стали подозревать, что их подставили надзиратели, ведущие, скорее всего, двойную игру. Эта мысль настолько ошеломила и напугала их, что они тут же оставили в покое строптивного русского и стали обходить его стороной. Эта первая победа была приятной во всех отношениях, но он понимал – это ненадолго.

Потянулись бесконечные, похожие друг на друга, как две капли воды тяжелые дни. Больше всего угнетала мысль о полной беспросветности такого существования, отсутствие всякой надежды на освобождение. И где ей взяться, такой надежде? Кто или что может повлиять на его участь в настоящее время, изменить ее к лучшему? Никто! Его друзья далеко, во Франции, но даже будь они здесь, они бессильны что-либо сделать. Остается только надежда на майора Мельвилля, но никто не знает, где он и что с ним случилось. Правда, когда Владимир еще был на свободе, до него докатились слухи об исчезновении самолета, на котором майор покинул долину Уэд-Кар-Ай. Их обстреляли арабы еще по пути в долину, как раз в тот момент, когда они пикировали на колонну Фарук-хана и повредили рули высоты. Возможно, наспех

проведенный ремонт мог стать причиной повторной аварии, и в результате бомбардировщик «промахнулся» при посадке на аэродром, расположенный у самого океана и упал в Атлантику, где-нибудь далеко от берега. А может самолет рухнул где-то еще в горах Среднего Атласа, так и не долетев до своего аэродрома. На суде следователь военной прокуратуры лейтенант Лакрио договорился даже до того, что возможно в исчезновении Мельвилля тоже замешан сам Макаров. Лакрио в обвинительной речи нагородил столько обвинений против русского легионера, что в них отказались поверить даже явно настроенные против него судьи. Здесь и дезертирство из легиона с помощью арабов и шпионство в пользу Республики Риф, которая в данный момент уже не существовала, а ее вождь Абу-Эль-Керим сослан на далекий остров Реюньон в Индийском океане. И возвращение в армию вновь с единственной целью—шпионаж в пользу арабов, один из которых по имени Можей Орк его сообщник. Лейтенант Бретонье сразу раскусил вероломного араба и сделал попытку арестовать его, чему помешал легионер Макаров, зверски избив офицера. Чтобы положить конец преступным действиям легионера, Лакрио просит применить для него высшую меру. Перед председателем суда теперь встала задача смягчить приговор, с чем он блестяще справился: пять лет каторжных работ без права свиданий и переписки. Итак, теперь он здесь, за колючей проволокой, которая отрезала его от прошлой жизни, от друзей, которым он не в силах даже послать весточку. На что ему надеяться? Конечно же, на побег, но об этом пока еще рано говорить, он должен прежде все разузнать, изучить обстановку и, самое главное, найти единомышленников. Один уже есть, это Иван, его сосед по бараку, испанцы тоже хорошие ребята, но они новички, как и он. Иван пообещал свести его с надежными людьми, так как сам о побеге уже не думает. Пять месяцев не так уж много, он будет терпеть. Тебе можно бежать, ты арабский понимаешь, поэтому сможешь уйти. А я? Схватят тут же! Владимир с ним согласен; сам он уже принял решение, теперь нужно ждать подходящий момент. Пока же не раскисать, главное – не впасть в тоску и уныние, эти отвратительные спутники неволи до добра не доведут. Они не только подорвут здоровье, но и отнимут боевой дух. Сейчас он отдает себе отчет в том, что сложившееся противостояние в бараке несет прямую угрозу его жизни. Но, что же делать? Попроситься в другой? Бросить этих несчастных на растерзание уголовникам? Нет, он будет бороться, а для этого нужно попытаться изменить соотношение сил в свою пользу. А пока он ищет союзников и присматривается к окружающим.

А Н Г Е Л Х Р А Н И Т Е Л Ь

Георг Дюбуа проснулся, когда над деревушкой Кунан еще висели предрассветные сумерки, и вышел во двор. Он привык подниматься рано, от этого день становился предельно большим и успеть можно очень многое; многое, но не все, учил его Каспар, его названный отец. Нехорошо это – сделать все. Как только небеса заметят такой момент, они тут же заберут тебя к себе, ибо человеку, который все переделал на земле оставаться на ней нет никакого проку. Он будет мешать остальным: путаться под ногами и показывать им, как бездельник, дурной пример. Он прошел по двору и остановился; его ранние подъемы совсем потеряли смысл, после того как в их селе организовался колхоз. Всю крупную живность свели туда, в наспех сооруженную ферму и ему не осталось почти никаких дел во дворе, населенном одними курами. Правда, потом те, кто все это затеял, одумались и коров вернули, а лошадь и овцы остались на ферме. Иногда Георг навещает своего бывшего кормильца; при последнем свидании признал: дела у мерина пошли намного лучше, у него даже немного заросли шерстью следы от построек. После того, как из района стали присылать трактор на пахоту, жизнь кунанских лошадей перешла в иную плоскость. Самым трудным делом стали телеги с зерном и сеном, но это уже не букер* по тяжелой, пересохшей от летнего зноя земле. Кажется, мерин несколько раздобрел и раздался в боках, но хлеб старый Дюбуа носит ему исправно.

Вчера он предложил внуку Василию съездить с ним в Евпаторию; он давно полюбил этот маленький городок, и теперь разлука с ним на срок более двух-трех месяцев становилась тягостной. Может быть оттого, что он напоминает ему Марсель – место, в котором прошло его детство, период его жизни настолько отдаленный, что память о нем уже едва теплилась и лишь иногда, зыбко и неясно пробивалась в стариковских сновидениях. Сны в его возрасте примечательны тем, что не всегда удается четко разделить – это уже снится или пока наяву продолжают воспоминания, вызванные копанием в сокровенных уголках все еще ясной памяти. Конечно же, море в первую очередь придает Евпатории сходство с тем, далеким уже во всех отношениях городом и еще цветущие акации на набережной. Там тоже были деревья, он уже не совсем уверен какие, скорее всего, каштаны или может платаны. Здания на марсельской набережной несопоставимы по размерам с этими, но память услужливо стирает всякие архитектурные и объемные различия. Он родился в Марселе, где прожил тринадцать коротких детских лет и отправился на войну в далекую Россию, чтобы отомстить за своего деда, боевого генерала воевавшего под началом великого императора. Отправился, чтобы остаться в ней навсегда, вместе с десятком своих товарищей по оружию. Бросил их родной брат отца капитан Самуэль неподалеку от Ак-Мечети, откуда вынеслась сотня русских казаков в тот момент, когда они набирали пресную воду в прибрежной балке. Но дело было не только в казаках или, скорее всего, вовсе не в них. Самуэль Дюбуа, как после стало известно, специально оставил своего племянника на чужом берегу: в случае невозвращения Георга во Францию наследником всех богатств семейства Дюбуа становился сам Самуэль. Они все остались в этой затерянной в тарханкутской степи деревушке, поскольку упорно ждали своего судна, считая, что их бросили совершенно случайно. Это бесполезное ожидание тянулось больше месяца, и за это время эскадра союзников покинула Черное море. Так они стали жителями России, обзавелись семьями и расселились по городам и селам Крыма. Из той первой команды в живых уже нет никого, кроме самого Георга, он был самым юным на корабле, ему же выпала печальная участь закрыть глаза своим товарищам, когда пришла их последняя минута. И тогда же он поклялся каждому из них, что он позаботится об их семьях. И он так и делал по мере сил, пока ему самому не стукнуло девяносто, что, конечно же, освободило его от прежних обязательств. Теперь он тоже попадает в категорию людей, нуждающихся в помощи, но Георг изо всех сил старается смотреть за собой сам, и пока что это ему удается.

Вот и сегодня он сам запряг Кешу в тележку и уложил корзину с подарками для евпаторийских родственников и друзей. А какие подарки из села для горожан, кроме провизии? И сейчас там яблоки, виноград, лук и чеснок – все со своего огорода. Да еще рыба и куриные яйца. Они выехали задолго до захода солнца, рассчитывая на следующее утро добраться до города. Ослик Кеша, как и его хозяин, давно уже преклонного возраста, очевидно, поэтому он не попал под коллективизацию, но он еще достаточно силен для двух седоков и небольшой поклажи. Однако на небольших подъемах внук шагает рядом с тележкой, а там, где круче, спешивается и Георг, несмотря на бурные протесты мальчика.

– Василий, я прошу тебя, перестань возмущаться, – останавливает его Георг, – если бы ты только знал, какое это удовольствие пройтись, хотя бы полверсты. А больше я и не прошу. Но внук почему-то не верит, что деду в его девяносто доставляет удовольствие идти пешком. Ничего, думает Георг, доживешь до моих лет, поверишь. Правда, недавно он с огорчением заметил, что эти полверсты с каждым разом даются ему все труднее.

Ему вдруг подумалось, что это, наверное, последняя поездка в город, и от такой мысли душа его опечалилась. Но если бы он высказался на эту тему перед своим другом священником Никифором, то наверняка получил бы суровую отповедь в том духе, что никогда не пытайся сам определить время своего ухода, ибо это в руках Всевышнего, он знает твой срок. Но если ты будешь сам его называть, то на небесах могут подумать, что ты его призываешь таким образом, и тебе и впрямь уже пора. Раз ты так настаиваешь. Но вот тебе вместо твоей ереси. *Яко*

неплодную смоковницу, не посети мене, Спасе, грешнаго, но на многая лета пождание ми даруй, напаяя душу слезами покаяния... Запомнил? Вот и повторяй ежечасно, сын мой. Отец Никифор – опора для Георга с первых дней их знакомства. И сегодня он должен с ним встретиться; он уже чуть было не подумал – последний раз, но вовремя спохватился.

Теперь ему припомнились все их попытки вернуться домой во Францию. Самое лучшее – уйти морем в Болгарию, но для этого нужно найти лодку на десять человек. В Карадже такой не оказалось, но они отыскивали подходящую в Ак-Мечети, и хозяин лодки назвал вполне приемлемую для них цену. Остановка была теперь за деньгами, к счастью, их прекрасно выручала сплетенная ранее сеть. Выловленную за ночь рыбу их новоиспеченные жены успешно продавали в городе. Второе условие – выучить русский язык, хотя бы настолько, чтобы сойти за серба или болгарина – уже через месяц было перевыполнено. Каспар под «страхом смертной казни» запретил морякам общение на привычном французском; теперь стоило посмотреть, как ужасно косноязычная, гримасничая, помогая себе пальцами и головой Ронсед, объяснял Фломажо, что он не может дать ему табаку, потому что у него его просто нет. Все вокруг покатывались со смеху, тем более, что все были уверены: табак есть, просто прижимистый Ронсед изо всех сил изображает непонимающего. Фломажо, наконец, тоже раскусил притворщика.

– А хочешь, я тебе дам закурить? – справившись, наконец, с языком, ехидно спросил он.

– Конечно, хочю! – тотчас под всеобщий взрыв смеха ответил Ронсед.

Деньги от продажи рыбы, получались не ахти какие, поэтому был еще запасной вариант: уйти пешком, чтобы не ждать до осени. На первых порах он откладывался из-за маленького Жульена, укушенного гадюкой. Ожидали его выздоровления, но когда его нога окончательно зажила, внезапно заболел Лавуазье. Что-то дышать мне стало тяжело, признавался он навещавшим его друзьям и в груди болит. Ехать к доктору в Ак-Мечеть старый моряк отказался, что, в общем, понятно: хоть и недалеко, но все равно предстоит хлопотная поездка. Но он отказался также и идти к Ефросинье, а когда знахарка пришла к нему в дом сама, больной не дал себя осмотреть.

– Стар я уже! Чего время на меня, старика тратить. Иди, лечи молодых, – был его ответ. Каспар терпеть не мог не выясненных ситуаций, и нанес повторный визит к Лавуазье; к своему удивлению он нашел его не в постели, как мог предположить, а с лопатой в огороде. Он внимательно посмотрел на моряка и удивился еще больше: больной имел чрезвычайно довольный вид, нет этого слова явно недостаточно. Выглядел он просто необычайно счастливым и Марен не собирался это скрывать. А Каспар неожиданно связал вместе эти явления. Итак: заболел, значит, теперь не может отправиться вместе со всеми. И счастлив, потому что заболел? Значит...

– Послушай, Марен, ты можешь быть со мною откровенным? Хотя бы сейчас.

– Ты же знаешь, командир, я от тебя никогда ничего не скрывал, и не собираюсь это делать, – ответил Лавуазье.

– Тогда скажи мне, ты что, решил остаться здесь? В этой деревне? Навсегда?

Повисла пауза длиною, кажется, в целую вечность. Наконец, Марен тихо произнес.

– Да. Я остаюсь, – и взглянул на Каспара с виноватой улыбкой, – так будет лучше.

– А причина? Ты можешь назвать причину? Должен же я, раз вы избрали меня старшим, хотя бы знать, насколько она уважительна.

Снова пауза, хотя и не столь долгая; во взгляде моряка появилось еще нечто более счастливое и волнующее, чем прежде.

– Ты только не смейся, Каспар, над старым моряком. Представь себе, что мы только что получили из Парижа телеграмму о моем назначении императором Франции.

– Какую телеграмму? Каким императором? – Каспару начинает казаться, что кто-то из них сходит с ума, – вместо Наполеона третьего, что ли?

– Ты угадал, вместо Наполеона. Но не пугайся, на самом деле это не так! Так вот, командир, представляешь, моя причина намного важнее!

Нет, кому-то из нас следует показаться психиатру, в городе он должен быть обязательно. Каспар не мог даже примерно представить что-то столь важное, и потому спрашивает.

– И что, ты не назовешь мне эту сногшибательную причину?

– Сейчас нет. А через некоторое время вы все сами узнаете, – и он подарил Каспару неописуемо счастливую улыбку.

Ладно, оставим разбор данной ситуации на потом, решил командир и начал прощаться. Но Лавуазье жестом остановил его.

– Сейчас самое подходящее время, обсудить еще один вопрос, связанный с нашим уходом. Мы единодушно избрали морской путь, но никто не задумался о том, чем он чреват для нас. Это в лесу можно прятаться сколько душе угодно, а на море так не получится. Пройдет два-три дня и лодку обязательно заметят с проходящего судна или с берега, все одно, откуда, но заметят и сообщат в соответствующие места. Потому что берег моря – это граница государства, а за ней обязательно присматривают. И заставят причалить, если мы сами прежде не сделаем этого по какой-нибудь нужде. Вот тогда нас попросят показать документы, и на этом наше путешествие закончится. Командир, если мы не раздобудем бумаги, то отправляться на веслах будет настоящим безумием. Хотя, думаю, пешком то же самое.

Каспар поблагодарил его и простился. Он сам уже не один раз задумывался о хоть каких-то бумагах, которые можно было бы предъявить жандарму в случае чего. Мария объяснила, что она, как староста, помочь бессильна. Решение этого вопроса только там, в Евпатории. И совсем скоро им представился случай попасть в город, правда, по весьма печальному поводу. Скончался отец Марии, и Каспар вызвался помочь с похоронами своего тестя, живым которого он так и не увидел. Он взял с собой четверых самых крепких моряков: найти в городе могильщиков в ту пору было чрезвычайно сложно.

Людей собралось немного, несколько бывших сослуживцев и соседи. За поминальным обедом в основном молчали, лишь изредка поминая покойника хорошими словами. Стол для чая накрыли в саду, и когда о покойнике все положенное в таких случаях было высказано, разговор коснулся самых различных тем. Вначале говорили о только что закончившейся войне, о потерях и разрушениях в городе, затем коснулись текущих событий. И вдруг всплыла тема, занимавшая французских моряков больше всего. Возникла она совершенно случайно; поговорив о нуждах села, перешли к крестьянам, бегущих от крепостного кошмара. Надворный советник Никифор Сербинов – в его конторе служил покойный – рассказал о недавнем побеге четырех крестьян Евпаторийского уезда. Поймали их недалеко от Бердянска, они намеревались уйти на Дон.

– Неужто они морем туда попали? Как их на перешейке-то не схватили? – спросил кто-то.

– Нет, они ушли, скорее всего, через Сиваши, там есть мелкие места, – ответил советник.

Каспар слышит знакомые слова насчет побега и ему становится страшно интересно, и он попросит Марию перевести. Как только она принялась это делать, Сербинов улыбнулся и продолжил по-французски. Так достоянием слуха французских моряков неожиданно стала душераздирающая история о беглых людях, и о тех муках, выпавших на их долю, после того, как их поймали. Лучшей агитации не придумаешь, подумал Георг.

– А не ваши крепостные бежали, уважаемый Никифор Николаевич, – поинтересовался священник.

– Нет, батюшка, мои не бегают, мои прилежно трудятся. Я им за это в деревне Бий-Орлюк церковь обещал поставить. Думаю начать, как денег поднакоплю, – ответил Сербинов. – Но крепостное право обязательно отменить следует, ибо оно уже в тягость не только крестьянам, но и помещикам тоже. И говорить нам об этом нужно везде.

После чая вся наша французская команда отправилась посмотреть город; все, кроме Каспара, он остался помочь женщинам. Евпатория начинала приходить в себя после сокрушительных военных действий. Почти четверть домов было разрушено, и теперь они потихоньку восстанавливались; бежавшие от супостата жители постепенно возвращались, хотя их теперь от довоенных одиннадцати тысяч едва насчитывалась одна треть. Они отыскивали одно единственное место, где совершенно недавно открылось подобие харчевни, его даже нельзя было назвать таковым: просто под парусиновым тентом несколько столов вдоль стены, неподалеку от городских каменных ворот. Здесь они уединились и принялись обсуждать только что услышанное за поминальным столом. Мария до сих пор не один раз втолковывала им насчет бумаг, но они относились к этому с предубеждением, предполагая, что староста не желает отпустить десяток молодых мужчин, оказавших с первых же дней, столь благотворное влияние на жизнь деревни. Сегодня же они поняли свои заблуждения. Просто так сидеть в заведении им показалось неприличным, потому они заказали вина и легкую закуску, что, в конце концов, привело дело к весьма нежелательным последствиям. Они стали говорить чуть громче, чем следовало и как-то незаметно для самих себя принялись вставлять французские слова в свою еще совершенно не отработанную русскую речь. Когда они просили у Каспара разрешить прогулку в город, то пообещали ему разговаривать только по-русски. Никто намеренно уговор не нарушал, все произошло само собой, в пылу спора. Короче говоря, к их столику вскоре под села невзрачная личность в потертом на локтях сюртуке и хорошо говорящая на их родном языке, и, видимо, от начала и до конца подслушавшая их шумный разговор. Это был некто Моршен, француз по происхождению, в настоящий момент стряпчий городской управы. Он весьма обрадовался, встретив здесь в столь маленьком, и, как он выразился – ничтожнейшем городишке – своих земляков. Они тоже сразу обрадовались: еще бы! они угостили его вином и Моршен пообещал сделать им документы, которые безо всяких препятствий со стороны властей позволят им покинуть Россию.

– Но для этого нужны деньги для подкупа секретаря управы, – заявил их неожиданный спаситель. – Сколько денег? О, совсем немного. Сколько вас человек? Умножьте это по пять рублей с каждого, вот вам и вся сумма.

Сумма эта должна была потрясти их, но этого не произошло: винные пары и радость по поводу встречи столь нужного человека затмили их сознание.

– Деньги нужны немедленно, – уточнил стряпчий; они вывернули карманы и наскребли полтора рубля. – Этого очень мало, но вы не затягивайте, чем быстрее принесете деньги, тем скорее получите документы. Давайте мне бумагу, я вас перепису.

Ни бумаги, ни чернил, не оказалось, и они ушли, к счастью, не переписанные. К счастью, потому что Моршен оказался самым настоящим вымогателем, вдобавок сильно пьющим. Все происшедшее от Каспара попросту скрыли, очень хотелось преподнести ему сюрприз. Вскоре они почувствовали явную фальшь в поведении стряпчего; им стало казаться, что тот их обманывает. Помимо денег Моршен требовал угощение, что тоже требовало немалых затрат. Они уже не могли прервать с ним отношения: подвыпивший стряпчий заявил, что если через месяц денег не будет, то он отправит их всех на каторгу. Жизнь их начинала превращаться в кошмар, и они признались командиру в своем проступке. Без его ведома, не посоветовавшись, вступили в контакт с государственным лицом.

– Ладно, вы ведь хотели, как лучше, – успокоил своих соратников Каспар, – скажите-ка мне, сколько денег вы уже передали своему благодетелю?

– Восемь рублей, – сказал Ронсед, один из инициаторов этой сомнительной сделки.

– Хорошо. Вот вам еще два рубля, поезжайте завтра в город и скажите стряпчему, пусть он принесет вам два документа, и вы вручите ему эти деньги, но только после того, как он исполнит вашу просьбу. И заверьте его со всей ответственностью, как только это произойдет,

он в течение месяца получит остальную сумму. Но вы должны проявить твердость и не давать ему просто так, ни копейки.

Утром делегация из четырех человек перехватила стряпчего в тот момент, когда тот шел на службу. Моршен после недолгого размышления согласился, но тут же потребовал угощения. Ему в этом было твердо отказано: вначале бумаги потом деньги и выпивка.

– Черт с вами, ждите меня к концу рабочего дня, – неохотно согласился чиновник.

Но в условленное время он не пришел; делегации пришлось заночевать в городе, но утром, несмотря на все усилия, обнаружить писаря нигде не удалось. Прождав его почти до вечера, они возвратились в Кунан, где предстали посрамленные перед командиром.

– Это следовало ожидать! Проходимцев сейчас, хоть пруд пруди, не следует думать, что сие минуло и нашу великую нацию, – саркастически рассмеялся Каспар. – Надеяться, что нам удастся получить обратно свои деньги, скорее всего не стоит. Теперь нужно что-то предпринять, чтобы мошенник не настучал на нас властям.

Но предпринимать ничего не пришлось. В ход событий вмещалось Провидение: Моршен утонул, купаясь в нетрезвом виде. Возникла новая опасность, как бы не пало подозрение в содействии его гибели на тех, кто общался с писарем больше всего. Поэтому никто из французов деревни Кунан в Евпаторию больше ни ногой целых два месяца. Время для отплытия летом 1856 года было упущено; на носу уже сентябрь, а у них ни лодки, ни документов. А тут еще Лавуазье. Нет, никакой недуг не одолевал его, и Каспар с самого начала подозревал, что это симуляция. Какой же это больной, если он не желает показаться врачу? Наконец, Марен не выдержал и при встрече выложил Каспару причину, которая приравнивалась, как заявил он раньше к восхождению на императорский трон и даже больше. Следует вспомнить, что собранные однажды вместе на военном корабле моряки ничего толком не знали друг о друге. Они называли Марена Лавуазье стариком, но оказалось, он всего лишь на пять лет старше Каспара, которому в этом году пошел сорок первый год. Всеу виной его борода и усы. Если забежать вперед, то действительно, когда настанет час убрать все это – перед изумленными односельчанами предстанет молодое красивое лицо Марена, мужественное и приветливое одновременно. И лишь теперь они услышали его историю.

– Я рано женился и прожил с женой более двадцати лет. Но нельзя эти годы назвать счастливыми, лишь только потому, что у нас не было детей, которых мы оба страстно желали. За два года до того, как мне предстояло покинуть Францию, мы разошлись; может быть, мне повезет с кем-то другим, сказала на прощание моя бывшая половина.

– Это хорошо, а то я считал, что мы сделали тебя двоеженцем, – признался командир.

– Нет, я не был им. И ты представляешь, Каспар, мое состояние, когда моя Людмила призналась, что у нас будет ребенок! Какое счастье на нас свалилось! Какая радость! – на глазах у Лавуазье показались слезы. – Ты скажи мне, дружище в какую Францию я теперь поеду? Там меня никто не ждет, а здесь теперь у меня есть все! Ведь мне теперь от Всевышнего, слава Ему, больше ничего не нужно, только здоровья и мира, понимаешь!

Каспар поделился новостью со своей женой; к его удивлению она отнеслась к этому совершенно спокойно, поскольку это для Марии совершенно не новость.

– Не хотела тебя настораживать раньше времени, – просто ответила староста, – но учти, Марен – это еще не все, кажется, детей может быть больше.

Действительно, на следующий год деревня Кунан потрясла округу демографическим взрывом. Младенцев родилось даже больше, чем было создано Марией импровизированных супружеских пар; скорее всего, в этом прослеживалась выдающаяся роль Фломажо, недаром он получил кличку «ночной кузнец». Если прибавить к этому, что в их среде появился, невесть откуда упорный слух о том, что Франция, их прежняя родина снова ввязалась в войну с соседями, то легко можно догадаться, как легко и безболезненно умирала жившая в них прежде

идея возвращения домой. После пережитых ужасов недавней войны – они упорно не забывались – им не хотелось участвовать больше в никакой другой.

– Не думаю даже, что можно увидеть среди нас человека настолько глупого, способного отправиться во Францию, зная, что там на него снова наденут мундир и погонят на войну, – высказался Гильом, – на войну, где его убьют или покалечат. Теперь уже точно, раз он уже один раз уцелел под Севастополем.

Но главным препятствием была все та же невозможность раздобыть лодку и документы. Здесь в этой заброшенной деревушке морякам ничего не угрожало, по крайней мере, сейчас; поселившись в домах, погибших на реке Альме крестьян, войдя в их семьи и приняв их фамилии, они механически стали ими, крепостными крестьянами Российской империи. Об этом в церковных книгах когда-то были сделаны соответствующие записи об их рождении и крещении, и теперь они продолжали существовать под защитой этих записей. Их считали крестьянами деревни Кунан; управляющий, так же как и помещик этих нескольких окрестных деревень сложили головы в сражении на Черной речке. Единственным должностным лицом, осведомленным о том, кто они на самом деле, была староста Мария, которая все это и организовала. Была, правда, еще церковь святых Анны и Захария построенная Михаилом Семеновичем Воронцовым еще в 1838 году, и они обязаны были ее посещать. Но именно в этот момент в ней сменились священнослужители, кроме того, протекция старосты и, наконец, тайна исповеди позволили хранить их инкогнито.

Теперь же, когда их команда после гибели стряпчего из чувства предосторожности перестала бывать в городе, Георг, наоборот, стал там частым гостем. Мать Марии Александра Афанасьевна тепло приняла юного француза и определила его на место своего внука, перенесла на него всю свою любовь, предназначенную павшему на Альме Витюше. Георг топил печку, ходил на рынок и помогал по хозяйству, куда входили собака Шарик, кошка Афина и коза Стерва. Козу первоначально звали Серна, за кроткий нрав и большие глаза с миндалевидным разрезом, но это было еще во времена ее юности, а когда козочка подросла, то за свой крайне вздорный характер заслуженно и навечно получила новое звучное имя. Собака и кошка были полностью на плечах бабушки Шуры, но с козой она справиться не могла, да и не желала с ней связываться, этим сложнейшим делом занимался ее покойный супруг. Не появившись в доме Георг, дни рогатой, несмотря на два-три литра прекраснейшего молока ежедневно, были бы сочтены. Теперь все погожие дни коза проводит за городом на бечевке, и он навещается к ней пару раз в течение дня. Наевшись вдоволь травы, коза любит подолгу стоять на краю крепостного рва, рассматривая свое отображение в стоячей воде. Георг сидит рядом на камне, ему тоже видно отсюда много интересного. Взять хотя бы этот ров: он довольно внушителен, как в глубину, так и по ширине. Когда русские солдаты, штурмующие город под началом генерал-лейтенанта Хрулева, подбежали к нему, то оказалось, что их лестниц в два аршина длины недостаточно, чтобы перебраться на другой берег. Ров был на целый аршин шире и глубже и полон воды. И те воины, кто пытался преодолеть его без лестницы долгое время вообще не могли выбраться наружу, настолько круты и осклизлые были его берега. И еще нужно учесть: все время по ним сверху со стен и крыш домов турки вели прицельный огонь.

Во время вечернего чаепития Георг выкладывает все, что услышал там, у рва от такого же пастуха, как и он сам.

– А что, перед штурмом нельзя было разведать, какой глубины ров? – спрашивает он и смотрит на Василия Васильевича, отставного майора, участника штурма Евпатории. Но тот молчит почему-то, набивая трубку душистым самосадом, привезенным ему из-под Феодосии. Кроме него и Георга за столиком под шелковицей Иван Дмитриевич – брат покойного хозяина дома и Егор Иванович, денщик майора. Иногда, после того, как на столе уже появляется самовар возле них остается и Александра Афанасьевна; она следит, чтобы к чаю потребляли варенье и печенье, все ее собственного приготовления. Кроме этого, она еще вставляет свои

замечания, и с ними считаются. Как-никак она местная жительница и всю эту войну видела из окон собственного дома. Вот и сейчас она берет слово вместо майора.

– Как же они могли разведать, если вокруг одни басурмане. Русскому человеку к городу не подойти – его враз схватят, так же как и не выйти. А татары, те все за турок были.

Теперь все смотрят на Василия Васильевича; он тоже местный, и хотя во время оккупации находился в действующей армии, о многом, что здесь случилось, осведомлен.

– Александра Афанасьевна, верно, говорит. Вы посудите, в городе на одиннадцать или двенадцать тысяч людей две трети были татары, – майор окутывает окружающих приятным ароматом «дюбека», – а те, оставшиеся четыре, тоже ведь не все русские. Большинство – это греки, караимы, армяне да евреи; так что русских, скорее всего, было менее всех. Только татары держались сплоченной массой, все же остальные разделялись на отдельные группы чаще по профессии. Греки были баркасники и занимались рыбой, караимы солью и торговлей, евреи же, каждый держался своего дела, не примыкая ни к каким обществам. Городские чиновники были русскими, но большинство их бежали, а тех, кто остался, турки тотчас арестовали. Поэтому доносить нашим командирам было некому. Хотя беженцы из города, известно были, только думаю, что человеку бежавшему ночью пусть даже и через этот самый ров, было не до его размеров. Только бы спастись!

– Как же вам самой удалось уцелеть? – интересуется Егор Иванович у хозяйки, – страсти всякие рассказывают про басурманов! Вот вы же остались, не уехали. Аль неправда все?

– Я бы уехала, Егорушка, да не могла; ведь уехали те, кому, было на чем ехать. А здоровые, кто мог передвигаться хоть как-то, все пеши ушли. Всё люди бросили и ушли. Я же не могла, со мной матушка моя покойница, царство ей небесное, осталась. Она совсем неходячая была, а татары лошадей с телегами никому не давали, ни за какие деньги. Этим они, между прочим, явно обнаружили свою приверженность к нашему врагу. А как уцелела, сама не знаю. Возможно, спасло нас поселение на квартиру французского офицера; дом наш, вы видите, приличный, и недалеко от моря. Вначале нас совсем намеревались выселить, но услышав, что мы с мамой говорим по-французски, оставили. Нас поселили в маленькую комнату, а залу и еще две комнаты занял постоялец. Должна вам сказать, наш хозяин важный был; во дворе палатку поставили для охраны и турки или татары к нам вовсе не заглядывали. Не думала я, что придется к постояльцу обращаться, но пришлось. Случай такой вышел. Покидая Евпаторию перед высадкой в ней неприятеля, губернское начальство приказало полицейским уничтожить городские запасы зерна, поскольку вывезти его уже не успевали. Они принялись дружно поливать морской водой и известью, что должно привести его к порче. Дело двигалось довольно бойко, пока по доносу татар не появились вражеские солдаты и не арестовали городских. Полицейских объявили изменниками турецкому правительству и приговорили, что они будут повешены. Среди них был сын моей сестры, и она безутешно рыдала в моей комнате и умоляла меня помочь спасти его жизнь. Я обратилась к французу, мы уже знали, что он был в чине полковника, и он обещал разобраться. Через некоторое время он, несколько смущаясь, сообщил мне, что вопрос слишком серьезен. Сделать пока ничего нельзя, так как дело находится в руках турецких властей, но просил нас пока не отчаиваться. Я не знала, как быть. Мне пришлось обманывать сестру, говоря, что все решится, а пока что сама плакала вместе с ней. Но действительно, вскоре мы услышали, что вместо Топал-Омер-паши комендантом города назначен французский адмирал. Адьютантом и переводчиком у него был поляк Токарский, женатый на дочери евпаторийского уездного судьи. В борьбу за жизнь наших полицейских теперь смогла включиться супруга судьи, а также и наш квартирант. Что-то из этого, но скорее – все вместе – сработало, смертная казнь была отменена, вместо этого заключенных на первом же корабле отправили в ссылку в Лондон. Поселили их там, на вольных квартирах и выплачивали приличное жалованье. Настолько приличное, что они могли регулярно присылать богатые посылки крымской родне, а после замирения благополучно возвратились в Евпаторию.

Рассказы бабушки Шуры для меня были очень интересны, да и не только для меня, но и для всех остальных, поскольку во время войны они были в действующей армии и о жизни горожан имели смутное представление. Много мы услышали от нее, но она сама упорно считала себя не слишком осведомленной, особенно о том, что происходило за пределами города, потому пригласила однажды на ужин, нарочно для нас, своего дальнего родственника помещика Василия Саввовича Ракова. Всю войну провел он в Евпаторийском уезде, где и проживал, потому был не только в курсе всех событий, но и непосредственным участником многих из них. Георг запомнил его рассказы почти дословно, и часто размышлял затем над услышанным, все более удивляясь стране, в которой он вдруг очутился.

– Утром первого сентября 1854 года в виду Евпатории появился вражеский флот около восьмидесяти кораблей, а на следующий день была высадка. После нее неприятель первым делом занялся добыванием фуража, для чего рассылал в окрестности многочисленные отряды, а затем принялся за укрепление городских стен. На строительных работах безжалостно использовалось и городское и сельское население. Город обнесли довольно высоким валом и оградил глубоким рвом. После этого турки почил от своих дел и с необыкновенно важным видом победителей предались обычному кейфу. За чашкой кофе у них бесповоротно было решено, что Крыму осталось еще недолго ждать до присоединения к Турции. Должен заметить, что отношение турок к населению Евпатории было вполне европейским. Относительно же татар, которые косо смотрели на русских при занятии города, говорили, что они в тот же день убили нескольких христиан. Я не могу точно подтвердить, но ... слухом земля полнится. Мне передавали, как отнесся к этому комендант города Топал-Омер-паша. Он говорил, что хотя по Корану убийство христиан, особенно во время войны, не представляет ничего предосудительного, все же не стоит забывать, что на стороне Турции сейчас воюют христианские государства – Англия и Франция. И именно только потому нельзя избивать христиан – это вызовет неудовольствие союзников. Отношение же татар евпаторийских, как городских, так и уездных в общей массе со дня прибытия неприятельских войск было таково. Хотя они и не могли скрыть своей приверженности к туркам, но все же не выражали ни чем своего озлобления против властей и народа. Если же в уезде мы и встречали с их стороны грабежи и разбои, то исходили они от отдельных личностей беспокойного характера, личностей, которые и мирное время проявляли именно эти свои пороки. Они собирались в вооруженные группы и врвались обычно ночью к зажиточному хозяину, чаще всего таковыми оказывались русские или греки. Разбойники заявляли, что их послало турецкое правительство за «контрибуцией», на основании чего, выполняя волю султана, они требуют выдачи всего скота, в случае, если им скота не дадут, то они призовут турецкие войска и тогда возьмут не только скот, но и все имущество. Что здесь было делать? Иногда татары-грабители, таким образом, сводили кое с кем свои личные счета. Тут я не могу не упомянуть имя благородного Мемет бея Балатукова. О нем надо заметить, что хотя князь был и мусульманин, но душой он был предан России и любил русский народ. И он оказал нам, русским, большую услугу; благодаря сильному влиянию, которым князь пользовался среди татар, мы обязаны сохранением многих русских деревень. Дело в том, что татары тогда отличались гораздо большим фанатизмом, чем теперь; не трудно было турецким муллам поднять их против христиан. И в этом отношении Балатуков выступил защитником русских; он вовремя сумел остановить общее волнение татар, и только малая часть их, отъявленные башибузуки, не поддались его увещаниям.

В этом месте Василий Саввович остановился и посмотрел на часы, висевшие на стене.

– Я вас еще не утомя окончательно? А то эта тема для меня волнующая и говорить могу о ней сколько угодно. Ну, если нет, то хотелось бы отдельно рассказать вам о тех интересных метаморфозах, происшедших в жизни крымских татар, после того, как в Евпатории высадилось турецкое войско. Самый наглядный пример: из города в окрестные деревни выезжали отряды вооруженных татар, которые от имени коменданта или, как они его называли – прави-

теля города – Топал-Омер-паши и грабили местных помещиков. Тех же, кто сопротивлялся, не желая отдавать скот, они связывали и силой приводили в город, где турецкие власти подвергали их аресту и принуждали работать на городских укреплениях. Когда же вместо паши на должность градоначальника заступил французский адмирал, то приводы помещиков в город прекратились, ибо союзники никак не одобряли подобные действия турок. Но вместе с турецкой армией в Евпаторию прибыли муллы в несметном количестве; вот тут-то и сказалось их пагубное влияние на татар, как города, так и уезда. Нам неизвестно полное содержание их проповедей, но, как утверждали христиане, понимающие татарский язык, а таких в городе было большинство – суть их сводилась к призыву собираться под священное знамя великого султана. Бросайте все и идите к своему повелителю, и вы все получите от него великую милость. Весть эта с невероятной быстротой в первые же дни распространилась по уезду, и сельские татары, не только евпаторийские, но и других уездов стали ежедневно большими толпами стекаться в город. Они бросали аулы, с фанатической радостью шли к своим единоверцам, мечтая о будущем величии Турции и гибели России. Но как жестоко они ошиблись, как сильно поплатились за свои надежды. В спешке они брали только самое ценное имущество да угоняли скот, да и то не весь. Мне самому пришлось посетить несколько таких брошенных евпаторийских аулов. Вид их был ужасно жалкий. Уныло стоят два-три десятка домов, нигде не души; мертвая тишина, лишь изредка залает или, что еще хуже, завоет брошенная собачонка. В самих хатах и во дворах все разбросано в беспорядке. Впечатление, что не один – два человека, а сразу вся деревня была на ногах, суетилась, металась, в спешке хватая все подряд и так же все подряд бросая снова. И ушли все сразу, повинувшись единому порыву. Чуланы и ямы были завалены отборным зерном. Все это было теперь ничье, каждый мог стать его хозяином. Конечно, так оно на самом деле и было. Многие помещики воспользовались случаем. И кроме них я лично знал многих бедняков, которые только этим и занимались. Огромными повозками развезжали они по брошенным аулам и забирали все, что можно было продать, причем с большой выгодой. Но надо сказать, что не многие из этих людей смогли удержать легко нажитое: у большинства, все, что легко далось, так же легко и ушло. Вся причина была в кутежах, которым народ предавался в ту пору безо всякого удержу, кто для того, чтобы вином заглушить тяжелые мысли, кто от радости от столь нежданного обогащения. Из-за пьянства, вновь образовавшиеся богачи, так и прежние из богатых превратились в нищих.

Но больше всех пострадали татары. Они надеялись, что султан оценит их преданность и вознаградит каждого по-царски. Вначале действительно было похоже на то, что их надежды оправдаются. Турецкое военное начальство, чрезвычайно нуждаясь в рогатом скоте, первых переселенцев принимало с признательностью и обещало доложить о них султану. Но, когда их в Евпатории появилось больше, чем надо было, отношение к ним резко изменилось. Целые толпы татар бродили уныло по улицам, не находя себе пристанища и исполняя разные тяжелые работы; положение их стало крайне жалкое. Лишившись всего, что копили целыми годами, и, придя сюда без ничего, только с радужными надеждами, которые вселили в них муллы, – они разочаровались до крайности и до такой же степени пали духом. Кроме того, в городе грязь и вонь от такого скопления людей и скота стали просто невообразимые. Невозможно даже себе представить, как в городе, рассчитанном ранее на проживание десяти тысяч человек, размещалось более ста тысяч, да еще скота столько же, если не больше. Снизойдя к их просьбам и безвыходному положению, турецкое правительство решило посадить их на корабли и отправить в Турцию. Но здесь подстерегала еще более страшная участь: корабли, на которых они плыли, настигла ужасная буря и большинство несчастных беженцев погибло. Следует заметить, что в те времена Черное море с особой свирепостью набрасывалось и отправляло на дно всех, независимо от того, стремились они в Крым или бежали оттуда. Говорят, что в один только шторм, что разразился в начале ноября пятьдесят четвертого года у крымских берегов, вражеских судов погибло около двух сотен.

Вспоминая все пережитое в то время, я, как очевидец тех событий совершенно беспристрастно могу сказать, что наши татары за весь период крымской войны не заслуживали ни одного справедливого упрека. В продолжение нескольких месяцев они были полными хозяевами уезда, где в тот момент не было ни единого представителя власти, ни одного солдата. Подстрекаемые при этом фанатическими проповедями турецких мулл, они удержались на стезе послушания, остались кротки и умерены, насколько кроткой на их месте вряд ли могла быть любая другая нация, – заключил Василий Раков свой рассказ.

Нам он всем очень понравился, но вечер воспоминаний был бы не полным, если бы в нем не нашлось места для штурма Евпатории 5 февраля 1855 года и наши взоры тут же опять обратились к Василию Васильевичу. Однако старания наши не увенчались большим успехом.

– Милые мои, да об этом уже столько написано генералами, да столь знаменитыми, как Тотлебен или Богданович, что уж мне, майору, добавить к этому? Скажу только, что компания была славная и провели мы ее на должном уровне, что бы наши злопыхатели ни плели про это. А то, что город не взяли, так мы его и не могли взять при таком раскладе сил, которых у супостата было больше, особенно артиллерии, ведь те пушки, что были на судах стоящих на рейде, доставали ядрами даже до нашего тыла. Так вот, хотя главная цель – взятие города – не была достигнута, все же эта попытка принесла русской армии явную выгоду. Из страха, что штурм может повториться, неприятель вынужден был держать в Евпатории крупные силы, лишенный всякой возможности применить их в Севастополе.

– А я вам скажу, дорогие мои, – вмешалась Александра Афанасьевна, – как только начался штурм и наши пушки стали бить по укреплению, сколько страху нагнали они на турок! Начали они тут же свою кавалерию грузить на корабли, а как у них еще стали рваться погреба пороховые да ящики зарядные, то они и свою артиллерию на погрузку потащили. Нам все в окно видно было, мы уж обрадовались, думали, в бега бросится вражина, но к обеду наше наступление остановилось и погрузка на корабли тоже.

Егор Иванович приносит готовый самовар, бабушка разливает всем свежий чай, накладывает в розочки варенье, раскладывает бублики, блины; Георгу, как младшему самые лучшие порции. Под огромной раскидистой шелковицей мирная картина чаепития, как будто совершенно недавно и не было ужасной войны и страшного горя на маленьком кусочке крымской земли. Но оно было, и все об этом помнят и никогда не забудут.

– Закончилась война, ушел неприятель, – задумчиво произносит Раков, – но мы-то остались, и мы должны помнить о защитниках нашего отечества. Они лежат за околицей города и ждут нас, коленапреклоненных возле их могил. На русского солдата в те времена навалилась невиданная иноземная сила в расчете одолеть его легкой победой. И тогда стало ясно нам всем, что надо делать, что надо отстоять свое отечество, отстоять свою землю, прогнать врага. Необходимость обороны стала всем понятна, Россия сосредоточилась на этой цели. Супротив врага встал русский народный дух. Защитники Крыма показали всем, что крепость и сила русского народа не в штыках и пушках, а в нем самом, что укрепления его не бастионы и форты, а собственная грудь и кровь. Любовь к родине движет русским народом и творит чудеса. Однако дальше этого, дальше именно такой обороны, тогдашняя Россия не могла пойти; она не в силах была обороняться от тягостных требований Европы, зашедших за пределы необходимости. Многое может сделать русский народ, но в то время, по меткому выражению, не помню кого, он мог только умирать за Россию, но не умел жить для нея!

Все это припомнилось Георгу, как только они вошли в знакомую улицу, припомнилось так отчетливо, будто бы и не были отделены те события целой вереницей лет. А сейчас у него, где-то в самом уголочке души, возникла и тихонечко звучит неземная музыка, в ней слились, казалось, уже забытые и в то же время никогда не забываемые звуки его юности, протекавшей когда-то в этом старинном доме. В этих звуках голоса, увы, давно ушедших людей, воспомина-

ния о них приятны и вызывают легкую грусть; в этой музыке шум близкого моря, звон церковных колоколов, крик муэдзина, резвящихся детей, уличных торговцев и чаек. Но он пройдет мимо старого дома, не останавливаясь, лишь украдкой прикоснувшись ладонью к его теплой стене; в нем давно уже живут чужие люди, с которыми он даже не знаком. Внук с тележкой отправится на Пересыпь, к родственникам, а он поспешит в церковь к своему духовнику и другу, священнику отцу Никифору.

Заглянув за ограду, Георг убедился, что ничего нового в мире не произошло: отец Никифор, как и всегда в любую погоду, за исключением разве что проливного дождя, работал в церковном саду. Они обнялись, и Георг попросил благословения. По случаю гостя садовая лопата будет отложена в сторону, под старой акацией они станут пить чай, и Георг, может быть, уговорит батюшку рассказать ему еще раз о том дивном случае, невольным свидетелем которого ему выпало быть почти три десятка лет тому назад.

Вечером перед тем самым днем знакомый крестьянин из Отар-Мойнак привез большую телегу прекрасного перегноя и свалил его возле западных ворот храма. Теперь все это предстояло перенести внутрь к могилкам Якова Чепурина и Иосифа Сербинова на восточную половину двора. Сам перегной смешан уже с дерновой землей, но в ней оказались мелкие камешки и корешки, и ему приходилось тщательно перебирать все это богатство, прежде чем погрузить в корзину. Когда он сидел возле кучи еще с первой корзиной, прошли мальчишки, два постарше с удочками и третий, совсем маленький, с жестяной банкой. Они поздоровались и на вопрос: куда вы так рано, ребята? дружно ответили, рыбачить, дедушка! Через полчаса они предстали его взору уже плывущие в лодке наискосок в сторону порта. Он видел, как они остановились довольно далеко от берега и закинули удочки. С восточной стороны двора они ему были не видны, но когда он приходил к перегнойной куче за очередной порцией, то первым делом смотрел в сторону рыбаков; что-то тревожное сидело в его душе. И вот, взглянул машинально снова в ту сторону, и не сразу его сознание смогло охватить смысл увиденного: залив был пуст! Паническим взором он обшаривал горизонт, метался им вдоль берега – лодки не было нигде. Чистая безмятежная гладь воды, слегка порозовевшей в лучах восходящего солнца, совершенно пуста, нет даже ни одной чайки. И тут он увидел две круглые детские головки, мелкими толчками плывущие к берегу. Две! только две! а где же третья?! И вдруг над морем, от того места, где была прежде их лодка, пронеслось стремительно что-то белое и исчезло за храмом с противоположной стороны. Отец Никифор немедленно бросился туда и увидел лежащего на траве мальчика. У него не было никакого представления о том, как он здесь оказался, да и не было времени совершенно предаваться размышлениям; он припал к его груди и долго держал на ней ухо, пока услышал там положенное тук-тук, тук-тук, затем прислушался к устам и уловил выходящее из них дыхание. И тогда счастливые, облегчающие и душу, и сердце слезы побежали из его глаз. Слезы благодарности к Всевышнему. Мальчик был жив! Он снова поспешил к западным воротам и с облегчением высмотрел лежащие на песке две фигурки. Конечно, если бы их сейчас сюда, подумал батюшка, но тут же осудил себя: слишком много я захотел! И пошел в сад. Мальчик лежал в прежней позе, но щеки у него уже чуточку порозовели, и грудь равномерно вздымалась – он спал. Тревожить его сейчас нельзя никоим образом, можно испугать ненароком, а вот чай к его пробуждению заварить просто необходимо. И он отправился в придел поставить чайник. После его возвращения ребенок, наконец, открыл глаза и сел; он долго смотрел перед собой, и, казалось, ничего не видел. Затем начал осматриваться и увидел священника, но в его взгляде ничего не изменилось – он с одинаковым выражением взирал на деревья, ограду и храм, как и на человека. Батюшка рискнул привлечь его внимание и шевельнулся. После этого в лице ребенка что-то изменилось, кажется, он пытался что-то вспомнить и вопросительно взглянул в глаза отца Никифора, словно надеясь прочесть в них подсказку. Губы его шевелились беззвучно, наконец, речь появилась.

– Я утонул? Где я теперь? А ты кто? – он выдал сразу три вопроса, и они явно утомили его.

– Я батюшка, помнишь, ты приходил в церковь с мамой в прошлое воскресенье?

Он вспомнил, кивнул согласно и протянул к священнику руки. Тот поднял его и понес к храму, сейчас будем пить чай. Хорошо?

– Хорошо, – ответил малыш, – а у тебя сильные руки. Теплые и сильные, как у нее!

– У нее? – священник остановился. – А она кто?

Мальчик закрыл глаза, помолчал, затем снова их открыл и улыбнулся.

– Она тетя. Она ... – он запнулся, – нет, она птица. Или нет, она тетя с белыми крыльями.

– Ты ее узнал? Ты видел ее когда-то раньше.

– Нет, не узнал. Но я ведь не видел ее лица, только у нее был голос, как у моей бабушки.

– Голос? Ты слышал голос? – отец Никифор снова остановился. – Что же она сказала?

Она сказала ... – он вдруг умолк, и батюшка проследил за его взглядом. К церкви со всех ног мчались его компаньоны. – Но я не помню, что она сказала. Что-то хорошее, а не помню.

– Вовка! Ты как? – закричали мальчики, еще не добегая до ограды.

– Я хорошо! Я нормально, – и он заерзал, явно собираясь высвободиться. Но его не отпускали. – Пока ты выпьешь чай, они тебя подождут, я тебе обещаю, – сказал батюшка и унес его в трапезную. Там он ему налил кружку, дал мятный пряник и вышел к ограде. Снизу смотрели две перепуганные и заплаканные мордашки, но все это – испуг и слезы – было для них уже в прошлом, а сейчас они уже почти счастливые. Потому как главное – все живы!

– Ну, расскажите мне все по порядку. Только, чур, не врать! Чья лодка?

– Лодка? Кажется деда Акима, но мы точно не знаем, мы замок, того ... гвоздиком. Открыли и поплыли, а потом, когда остановились, в нее вода набираться стала, да так, что грести уже невозможно, не двигалась она больше. Ну, мы Вовку оставили вычерпывать, думали, что он не доплывет, а сами за помощью ... Оглянулись, а уже все ... И еще нам показалось, что прилетела большая белая птица и Вовку из воды вытащила. И понесла сюда. Ну, а мы думали ... А что теперь?

Отцу Никифору понятно, о чем они думали. – Теперь идите к деду Акиму и падайте на колени, он добрый и все простит, – объяснил он мальчишкам. – В остальном родители разберутся.

Вовка уже выпил чай и сразу бросился к забору, собираясь покинуть церковный двор кратчайшим путем, но наткнулся на указующий жест в сторону ворот и побежал вокруг. Встреча была бурной и радостной; дети хлопали друг друга по плечам и выкрикивали что-то бессвязное, но очень веселое, что нельзя было понять взрослому уху. Они были довольно далеко, когда Вовка вдруг оглянулся и, увидев стоящего у ограды батюшку, бросился назад.

– Я вспомнил! Батюшка, я вспомнил! Когда она несла меня, она сказала мне тихонько: не бойся, внучек, я с тобой. Я спасу тебя сейчас и всегда буду приходить, и спасать тебя. – После этих слов мальчик поднял вверх лицо, оно стало у него вдруг серьезное, как могло быть у взрослого, но у него оно еще серьезней; их взгляды встретились.

– Это, правда, дедушка? – в его взгляде не только любопытство, в нем еще и тревога.

– Правда, внучек. Но ты должен всегда помнить свою бабушку, как только ты ее забудешь, тогда она больше не придет. Помнить и молиться. Я тебя научу.

– Хорошо. Я ее никогда не забуду! – тревога исчезла, его лицо просветлело, и он убежал.

Священник хорошо помнил старенькую Матрену. И не только он: многим в городе была известна общительная и доброжелательная бабушка Мотя, и теперь ее часто вспоминали при случае. Несмотря на возраст, ее трудолюбие восхищало, а энергия казалась неиссякаемой. Она обстирывала богатые семьи и убирала у них же; на небольшом огорожке возле дома выращивала цветы и зелень, которые сама продавала на рынке; нянчила чужих детей, не забывая своих собственных. Интересно было видеть ее ни свет, ни заря спешащей на рынок с двумя корзинами в руках с привязанным на спине внуком. При всем этом она работала дворником городской управы, и ее участок возле Каменных ворот был всегда образцово чистым. Погова-

ривали, что она еще иногда сторожила ночью на рынке, подменяя своих подруг при случае. Кроме служебных, у нее еще были и общественные хлопоты, и самой важной из них – сборы умерших в последнюю дорогу и их отпевание, причем самых бедных, с которых она никогда не взяла ни гроша, умудряясь сама помочь хоть копейкой. И всегда старалась для церкви, убираясь внутри и снаружи, и приношениями: какими бы они ни были для самой церкви, для нее они всегда были значительными.

Заболела она вдруг, внезапно и тихо отошла без мучений. Отца Никифора позвали, когда поняли, что уже не только дни, а уже и часы ее сочтены. Когда он совершал требу, она заплакала.

– Не нужно плакать, голубушка, – сказал ей священник, – вы завершили свой путь, и Господь зовет вас к себе. Вам у Него будет хорошо.

– Я не о том плачу, что ухожу, батюшка. Я плачу о том, кто остается. О внуке своем Владимире плачу. Кто же беречь его теперь будет?

– Вы и будете, Матрена Ивановна, ведь вы его настолько любите, что вам не составит большого труда прийти ему на помощь, где бы вы ни были.

Поэтому священник точно теперь уверен, что «не бойся, внучек, я с тобой» мог сказать лишь один человек на свете. И еще он уверен, что этой тайны никто не должен касаться, конечно, кроме тех, кого она уже сама коснулась. Понятно, что он, батюшка, в ней единственный, кто лишний, но он им таковым единственным и останется. И пусть не обижается его друг Георг, помочь ему он не в силах.

Пока они пили чай, с улицы послышался шум подъехавшего экипажа – это прислали за батюшкой к больному купцу, что проживал в деревне Бешуй. Так я и не расспросил о чудесном спасении от утопления мальчика, подумал Георг. Слух об этом происшествии пошел от мальчишек, участников той рыбалки, чуть не закончившейся трагично, когда их лодка дала течь и ушла на дно. В той самой семье, которую Георг приютил в ноябре двадцатого, в разговоре упоминали, и не один раз, бабушку Матрену, а поскольку белого офицера звали Владимир, то он связал это вместе. Но сегодня ему снова не удалось узнать что-либо от священника. Ладно, как-то в следующий раз, подумал старик, хотя он точно знал, что следующего раза уже не будет.

Он перешел через улицу к бывшей гостинице Бо-Риваж и уселся на скамье под деревом. Внизу темно-синяя волна плескалась о прибрежные камни; чайки громко ссорились из-за мелкой рыбешки, выхватывая ее на лету друг у дружки. Когда-то Георгу посчастливилось быть здесь на чаепитии, устроенном в честь отъезжающего на отдых государя императора Николая ; все было торжественно и празднично, и евпаторийская знать смогла блеснуть на нем своими нарядами. Он смотрит на гостиницу, любит ее архитектурой, и в его памяти всплывает еще одно, тоже немаловажное мероприятие, непосредственное участие в нем доставило тогда ему массу ощущений. Георг не мог сразу оценить происходящее с ним, и даже вначале заподозрил себя в измене родине. Конечно же, это была измена Франции, поскольку он выступал теперь против Англии, их бывшей союзницы. Хотя в России он уже прожил столько, что, кажется, любому понятно, где его настоящая Родина. Сейчас, когда ему уже так много лет, он еще больше запутался и решил теперь сильно об этом не задумываться. Так лучше, тем более, что после того, как старшие товарищи, а вслед и его ровесники перешли в мир иной, обсуждать это стало не с кем и потеряло смысл.

Как же это все у них начиналось? Ему сейчас трудно вспомнить, но то, что первый шаг был сделан именно в Бо-Риваж – несомненно. Ближе к вечеру на ее верхней террасе, куда послеполуденный ветерок уже приносит с моря желанную прохладу, неизменно собирался кружок городской интеллигенции. Большинству из них около шестидесяти, есть и постарше, и тема Крымской войны среди множества других нет-нет, да и займет главенствующее место. Они всё еще жили ею, и она властно напоминала о себе. Вскоре они сперва с удивлением, а затем и с радостью для себя заметили и молодых участников дискуссий, которых со временем

становилось все больше. Россия только начинала выходить из беспросветного мрака той ночи, в какую ее погрузил до смерти напуганный декабристами император Николай 1. Потихоньку начинала возрождаться общественная жизнь и в ней политическая печать. Ведь благодаря ей стали известны слова, с которыми обратился князь Горчаков к русской армии, после того, как защитники города перешли по наплавному мосту на Северную сторону.

«Храбрые товарищи! Грустно и тяжело оставить врагам нашим Севастополь, но вспомните, какую жертву мы принесли на алтарь отечества в 1812 году! Москва стоит Севастополя! Мы ее оставили после бессмертной битвы под Бородином. Трестасорокадевятинедневная оборона Севастополя превосходит Бородино. Но не Москва, а груда камней и пепла досталась неприятелю в роковой 1812 год. Так точно и не Севастополь оставили мы нашим врагам, а одни пылающие развалины города, собственной нашей рукой зажженного, удержав за нами часть обороны, которую дети и внучата с гордостью передадут отдаленному потомству!»

Совершенно неизвестны были князю, отдавшему приказ оставить город, настроения его защитников, покидающих Южную сторону, особенно моряков. Величественная тень адмирала Нахимова стояла перед входом на плавучий мост: « Нам нельзя уходить, мы никакого распоряжения не получали; армейские могут уходить, а у нас свое, морское начальство; мы от него не получали приказания; да как же это – Севастополь оставить? Везде штурм отбит; только на Малахове остались французы, да нам только приказ, и мы их за два часа штыками в море сбросим! Мы здесь должны умирать, а не уходить; что же об нас в России скажут?» – Так говорили моряки и у многих на глаза навертывались слезы, старики же матросы плакали навзрыд. Они были из тех шестнадцати тысяч моряков, сошедших с потопленных ими в Севастопольской бухте кораблей и выдержавших под руководством Корнилова, Истомина и Нахимова величайшую осаду, подобной которой не было прежде в человеческой истории. На Северную сторону из их числа перешло восемьсот человек.

Вначале все сведения о прошедшей войне потрясенный народ черпал только из уст ее участников, но вскоре заговорила и российская печать. Нам стали известны подробности конференции, завершившейся в Париже 30 марта 1856 года. Когда французский посол в Вене барон де Буркнэ ознакомился с подписанным там мирным договором, то он воскликнул: «Никак нельзя сообразить, ознакомившись с этим документом, кто же тут победитель, а кто побежденный». Они сидели на террасе, когда граф Мамуна прочел это в «Русской старине».

– А что тут соображать, – заметил Василий Васильевич, – когда мы оставили южную часть города, то неприятелю никаких ключей от Севастополя не передавали. Мы просто взорвали все свои укрепления, и перешли на Северную сторону. А враг еще целых два дня не решался вступить в город. И само известие о том, что русские по длинному мосту переходят на Северную сторону, было для французов с англичанами неожиданным настолько, что они в него сразу не поверили. Да и как же поверить, если никакого поражения мы не потерпели, а подчинились приказу главнокомандующего князя Горчакова. Приказу столь же бездарному, как, впрочем, и сам Горчаков.

– Могу поддержать вашу мысль, – вмешался Иван Дмитриевич, – как историк, посвятивший многие годы своей жизни изучению Крымской компании. Смее вас заверить, что ни в сражении за Севастополь, ни в целом в войне союзники не смогли одержать победы над Россией. Всеу миру известны те огромные по своим масштабам цели, которые Франция в союзе с Англией поставили перед своими армиями после того, как они объявили войну России. Хотя нет, эти замыслы существовали, наверняка, в головах если уж не первых лиц, то у их премьеров и министров, и тем более у полководцев еще задолго до вторжения. Британский кабинет под руководством лорда Пальмерстона уже строил и подробнейшим образом разрабатывал планы отторжения от России Крыма, Бессарабии, Кавказа, Финляндии, Польши, Литвы, Эстонии, – этот список обширен, но я не стану его продолжать, чтобы не утомлять вас напрасно. Вы, может

быть, уже слышали остроумный стих на эту тему, но он так точен, что не удержусь от соблазна повторить его еще раз.

*Как в воинственном азарте
Воевода Пальмерстон*

*Разделяет Русь на карте
Указательным перстом!*

Мы знаем, ничего запланированного у них не получилось. Обломав зубы об упорное сопротивление защитников Севастополя, Наполеон уже в феврале 1855 года, когда дела у интервентов были еще довольно блестящи, используя, как повод, смерть царя Николая, выпустил первую ласточку в сторону его преемника императора Александра Первого, передав ему соболезнования через третьих лиц. Возможно, император Франции уже почувствовал всю бесперспективность затеянного ими дела, и эти соболезнования можно было понимать как намек на будущее сближение. Неприятности у союзников начались еще до Севастополя. На Балтийском и Белом море у англичан дело не пошло дальше сожжения одной единственной крепости и обстрела прибрежных городов. А высадившийся на Дальнем Востоке англо-французский десант был буквально сметен штыковой атакой наших воинов. Вот как описано это в журнале «Морской сборник», я вам сейчас процитирую: «Подойдя на пушечный выстрел французский 50-ти орудийный фрегат, открыл такой шквальный огонь, что наши артиллерийские позиции были совершенно изрыты, изрыты до того, что не было ни одного аршина земли, куда не попало бы ядро. После того, как наши батареи были неспособны отвечать, двадцать две неприятельские шлюпки, полные народом, устремились к берегу, где высадился беспрепятственно в огромном количестве. Враг, учитывая нашу малочисленность, вполне обоснованно рассчитывал на скорую легкую победу. Но тут прозвучала грозная команда наших офицеров «вперед в штыки», что, будучи исполнено с быстротой и стремительностью, опрокинуло неприятеля вспять. Бегство врагов – самое беспорядочное, и, гонимые каким-то особым паническим страхом, везде преследуемые штыками наших лихих матросов, они бросались с обрывов сажень шестьдесят или семьдесят, бросались целыми толпами, так что изуродованные трупы едва успевали уносить в шлюпки. Окончательное действие сражения было дело на штыках. Сбросив неприятеля с горы наши стрелки, усевшись на обрывах, могли бить неприятеля на выбор, пока он садился и даже уже когда сидел в шлюпках. При всей беспорядочности отступления удивительно упрямство, с каким эти люди старались уносить убитых. Убьют одного – двое являются взять его; их убьют – являются еще четверо; просто непостижимо. Всякому военному покажется это невероятным, как мы столь малыми силами совершили беспримерное дело – отражение французо-английского десанта, вчетверо сильнейшего. Жалкие остатки десанта добрались до кораблей; флот снялся с якоря и, поставив все паруса, ушел в море. Мы победили».

– Я вам начал с Дальнего Востока потому, что собственно это было первое сухопутное сражение в Восточной войне, как ее называли на Западе, и у нас в Крыму мы о нем не слышали. Случилось оно в августе 1854 года, еще до высадки неприятеля в Крыму.

Они с удовольствием слушали Ивана Дмитриевича. Он долгое время преподавал историю в Московском университете, хорошо знаком с предметом, и, самое главное – у него есть печатные труды по данному вопросу. Никто из них еще не имел никакого представления о том, какое интересное продолжение найдут эти беседы в ближайшее время.

Георг пригрелся на солнышке; стены гостиницы Бо-Риваж тоже уже вобрали первые лучи и сами излучают тепло; он дремлет и тешит душу воспоминаниями тех прекрасных дней.

Ослепительным летним утром 1893 года на террасе кафе, что на крыше гостиницы, сидел молодой человек и рассматривал в подзорную трубу горизонт, подернутый еще над морем утренней дымкой. На лестнице снизу слышались шаги, затем показалась голова в белой полотняной панаме, венчавшей крупную голову с пышными усами и бакенбардами. Все это принадлежало городскому голове графу Мамуне Николаю Андреевичу.

– Что там видно, господин адмирал? – спросил граф с явной иронией, – вражеский флот?

– Никак нет, ваше превосходительство. Пусто. Ни паруса, ни дыма, ни огонька.

– Ты можешь, Дмитрий, называть меня даже вашим высочеством, денег все равно я не дам.

– Да что вы, Николай Андреевич, – ответил с веселой улыбкой молодой человек, – я вас так назвал в ответ на господина адмирала. А денег мне и не нужно, мне бы только отбойную стенку в порту поставить, да металла немножко для причала, и все.

– Допустим, адмиралом ты назван лишь за то, что в порту под твоим началом бывает за год до сотни судов. Ну чем не флот! Пусть даже торговый. И второе, ты знаешь, как можно построить стенку без денег? Поделись, это интересно.

Молодой человек тут же изложил свою мысль. Мамуна внимательно его выслушал и согласился после недолгого размышления.

– Что ж, это действительно интересно! Я поговорю с протоиреем Яковом, там действительно от строительства церкви останется камень, возможно, на стенку хватит. Да и камень там мощный, любой шторм выдержит. Но ты должен помочь ему в строительстве храма. А теперь признавайся, юноша, что ты там высматриваешь, если не секрет?

– Я трепетно жду, не покажутся ли на горизонте алые паруса, боюсь проморгать момент, когда появится моя Ассоль, – с грустью в голосе произнес Дмитрий.

– Хорошее желание, мой друг. Да только полно тебе притворяться: я был как-то на балу у купца Овчинникова и видел тебя там, танцующим мазурку. И еще видел десяток пар восхищенных глазок местных Ассолей, и поверь мне – они ничуть не хуже, чем у Грина.

У графа прекрасное, как и сегодняшнее утро, настроение, и он хотел было продолжать в том же духе, но его внимание привлекли два человека пересекающие улицу.

– Ба! Да это ведь наш профессор и с ним граф Дюбуа. Миша, спустись, пригласи их подняться на чай, неудобно кричать им отсюда. И сам приходи, ты тоже нужен.

Через несколько минут они сидели за столом, на котором уже стоял самовар.

– Дело у меня к вам чрезвычайно интересное, – сообщил собеседникам граф, – судя по полученному мною сообщению вскорости к нашему берегу прибьется некая любопытная личность. Это Генри Слэйдерс, – Мамуна заглянул в лежащую перед ним бумагу, – бакалавр философии, как сообщает газета «Гардиан», окончил Оксфорд, член английского парламента, но парламент уже в прошлом. В настоящее время занимается политикой, для чего разъезжает по всему миру в сопровождении представителей печати и читает публичные лекции.

– И на какую тему эти лекции? – поинтересовался Георг.

– Тема самая возвышенная. Роль Англии в мировом прогрессе. Но там есть и подтема. Все дело в том, что данный Слэйдерс – ученик и последователь Джона Пальмерстона, того самого, чье имя, прямо скажем, не просто неприятно для слуха русского человека – многим оно ненавистно. Но лорда Пальмерстона давно уже нет на этом свете, если я не ошибаюсь, он покинул его в 1865 году, будучи премьер-министром. Поэтому ему, мертвому, можно простить и забыть его навязчивую ненависть к России, проявившуюся в кровопролитной Крымской войне. Но вот его последователи рыскают сегодня по белу свету, выискивая неизвестно каких дивидендов от этой самой войны. Они преподносят ее как некое благоденствие со стороны Англии в отношении ее участников, в первую очередь для России. Якобы именно война привела нас к такому прогрессу, каковой сейчас и наблюдается. И даже не сама война, а поражение в ней. Что вы на это скажете, Иван Дмитриевич?

Профессор сидел, отодвинув в сторону чай; его круглое лицо, обрамленное венчиком седых волос и широкой бородой, вместо обычного добродушия имело суровое выражение. Его серые глаза смотрели на градоначальника даже с оттенком гнева, как будто вместо него перед ним сидели сам Слэйдерс с Пальмерстоном вместе.

– Пока ничего, продолжайте. А, кстати, перед кем он выступает? – спросил профессор.

– Аудиторию для него собирают из числа студентов, мелких служащих, торговцев и празднующихся. Занимаются этим круги, имеющие власть, если судить по тому, что студента, выступившего против бакалавра, полицейские тотчас силой выволокли из зала.

– А в каких городах он выступает? В Париже, например, был? – снова уточнил ученый.

– Париж он объехал стороной. – Мамуна заглянул в бумагу. – Вот его маршрут: Брюссель, Берлин, Прага, Вена, Рим. Сейчас он в Афинах, впереди Стамбул, но он его, наверняка, тоже пропустит, как и Париж. Дело в том, что во всех победах у него выпячивается главная роль Англии, в поражениях он обвиняет союзников. Потому в Сардинии он не выступал. У нас он будет точно; первым городом заявлена Евпатория, что насчет Севастополя, неизвестно. Скорее всего, здесь они запустят пробный камень, а затем посмотрят, куда идти дальше. Знаете, есть два варианта. Первый – это не дать им выступить перед нашими людьми, и мы будем правы, поскольку это кощунственно. Но тогда у них появится повод раструбить всему миру о нашей консервативности и, вдобавок еще, обвинить в трусости. Не следует забывать, что с ними вся европейская пресса. Следовательно, мы даем согласие на диспут, но должны сделать все возможное, чтобы он пошел по нашему сценарию, а не по английскому.

Граф поднялся со стула, взял подзорную трубу и навел ее на залив, где яркие уже лучи прогнали утреннюю дымку и осветили мачты кораблей, толпящихся на рейде Каламиты.

– Итак, враг у ворот! К оружию, господа! Через три дня англичанин будет у нас, нужно подготовиться и встретить его надлежащим образом. Вся надежда на вас, Иван Дмитриевич, если бы вам удалось высказать на диспуте хотя бы часть ваших аргументов о том, что мы, вопреки расхожему мнению, Крымскую войну не проиграли.

– Вы совершенно правы, граф! – профессор тоже вышел из-за стола и взволнованно заходил по террасе. – Никакого военного поражения России нанесено не было. Все то, о чем трубят на Западе и повторяют здесь наши доморожденные прозападные стратеги, было лишь неким поражением нашей дипломатии. Оба наших императора, одинаково – что отец, что сын – были довольно далеки от этого опасного предмета, требующего специального таланта. Опасного для неуча: в устах же сведущего человека – это грозное оружие, стоящее, порой, целой армии. Наполеон Третий, придя к власти в результате переворота в декабре 1851 года, всеми силами искал повод для войны с Россией. И Николай любезно его предоставил.

– А что Нессельроде? Ведь нашим главным дипломатом был в те времена именно он, – поинтересовался Николай Андреевич, – он что, не мог предостеречь царя от этого проступка?

– Сейчас многие уже уверены, что Карл Васильевич замешан в этом неблагоприятном деле, подтолкнувшем нас к столь ненужной войне, – заметил профессор. И мы тотчас услышали от него достоверную версию дипломатического ляпсуса, приведшего Россию к войне.

Когда Наполеон через год принял титул императора Франции, то послы австрийский и прусский приняли единодушно – не признавать нового монарха, основываясь на решении Венского конгресса 1815 года, лишившим прав династию Бонапартов на французский престол. Посему обращаться к нему следует не «дорогой брат», как к монарху, а «дорогой друг». О чем тут же уведомили Нессельроде, а тот, в свою очередь, царя Николая. Николай не понял, что прусские и австрийские «братья» его дурачат, и так и написал. Для Наполеона, изо всех сил искавшего повод для объявления войны России, все это было просто подарком. Он до сих пор не мог забыть, и тем более, простить триумфальный вход русских казаков в поверженный Париж в 1814 году. А тут еще такое обращение; Луи объяснили, что в России «друг» гово-

рят обычно швейцару: «а ну-ка, подай мне шубу, дружок!» Остальные государи все как один назвали все же Наполеона братом.

– Однако, должен вам указать на явную тупость западных дипломатов, поскольку у нас «а ну, подай мне, братец!» говорят слугам намного чаще, чем дружок, – добавил профессор. – А канцлер Нессельроде, доживающий тогда последние дни своего более чем сорокалетнего пребывания на посту министра иностранных дел, так и не понял всех своих роковых заблуждений, приведших к войне. Каким-то образом ему удалось внушить Николаю, что Россия обладает «подавляющей военной силой в Европе», а ее дипломатия «несравненной ловкостью». Наиболее убийственной из его ошибок, погубивших царя, было убеждение, что союз Англии и Франции невозможен. В феврале 1855 года царь Николай Павлович умер; причиной послужила банальная простуда, но поскольку случилось все это вскоре после неудачного штурма Евпатории, то злые языки утверждали, что он покончил с собой. Но более подходящая версия, так это то, что ему в этом помогли. Говорили, что царь позвал своего лейб-медика Мандта и приказал ему прописать порошок. Как только порошок подействовал, он потребовал противоядие. Но Мандт молча поклонился и развел руками. Вот заметка одного публициста: «Николай умер. Надо было жить в то время, чтобы понять восторг ликующих людей; точно небо раскрылось над ними, точно у каждого свалился с груди пудовый камень, куда-то потянулись вверх, вширь, захотелось летать. Народная молва сразу же заговорила об отравлении, и, конечно, Мандт поступил разумно, удрав за границу. Пришел Александр Второй, но чиновники остались все еще николаевские. Поэт Тютчев сказал, что они ему «напоминают волосы и ногти, которые продолжают расти на теле умерших еще некоторое время после их погребения в могиле».

Таким образом, теперь нам известно, что Нессельроде продолжал вредить по-прежнему России и при Александре, что отрицательно сказалось при заключении мирного договора. Хотя я хочу оговориться: делал он все это в силу своей недальновидности и бездарности, а не потому, что был изменником, в чем его подозревали отдельные личности. К счастью, Россию в Париже во время конгресса представлял блистательный Алексей Орлов, именно благодаря ему, его дипломатическому искусству, удалось сгладить все неприятное, что сотворил Карл Нессельроде. Если бы не граф Орлов, наши дела были бы намного хуже. Могу вам напомнить, что после того, как наша армия перешла на Северную сторону Севастополя, все военные действия в Крыму пришли к нулю. Мы постоянно тревожили неприятеля ночными вылазками охотников, притаскивая оттуда пленных, они же слабо огрызались, не предпринимая против нас ничего существенного. Все ждали, как завершатся дела на Кавказе. Наконец, когда Кавказ завершился полным разгромом турок и взятием нами Карса, русский посол в Вене Александр Горчаков неожиданно узнал о желании французской стороны начать мирные переговоры. Так что мы не запросили первыми о мире, но всегда были готовы его заключить, поскольку Россию искусно шантажировали угрозой вступления Австрии в боевые действия на стороне коалиции. С некоторой долей уверенности известно, что инициатива замирения исходила от Луи Наполеона.

– Прекрасно! Вы отлично все нам объяснили, уважаемый Иван Дмитриевич. Хочу сказать, что подобных высказываний среди здравомыслящих людей, как у нас в России, так и за рубежом, все больше и больше. Я, к сожалению, не смогу принять участия в диспуте, как официальное лицо, я не имею на это права, но послушать обязательно приду. Вся надежда на вас, профессор. Миша в вашем распоряжении, он у нас в английском безупречен, думаю, что и уважаемый Георг к вам присоединится. Как вы, граф, согласны? Отлично! Успеха нам!

Через несколько дней английский пароход «Адмирал Скотт» появился в заливе и стал на якорь в полумиле от берега. Утро было тихим и солнечным, как и положено для июля; несмотря на ранний час, на пляже уже много народа, и все обсуждают прибытие нежданного гостя. К пароходу, раздувая усы на чистой безмятежной поверхности, помчался таможенный катер. На нем же и прибыла солидная делегация в составе десяти персон; кроме сенаторов, в ней пере-

водчик, корреспонденты нескольких газет, врач и кто-то еще. После обычных формальностей в английском консульстве и городской управе и завтрака в лучшем ресторане города большая группа иностранных гостей в сопровождении секретаря управы отправилась на прогулку по городу. Сзади на почтительном расстоянии два жандарма и еще несколько в толпе, только в штатском, на всякий случай. На набережной, там, где она прилегает к порту, самая разношерстная публика, столь же разная, как и корабли, толпящиеся на рейде: от изящной шхуны до огромного сухогруза, от сияющей пестрым великолепием белоснежной яхты до мрачного закопченного угольщика. Команды и пассажиры сошли на берег и густо заполнили евпаторийскую, не столь уж и просторную, как могло бы показаться, набережную. Помимо архитектурных примечательств, народ увлечен гастрономическими изысками. Шашлыки, чебуреки, самса, плов, шаурма, манты, вареная кукуруза, арбузы и дыни, виноград, сливы, яблоки, груши, – словом, все даже невозможно перечислить. Все это съедается на месте либо укладывается в корзины впрок для доставки на суда. На каждом углу к услугам гуляющих чай и кофе, квас и буза, газировка, виноградное вино и домашняя водка и наливки любого цвета и сорта. За столиками под парусиновыми тентами захватить свободное место не так-то просто. Англичане бродят между бесчисленными шалманами в надежде встретить что-нибудь интересное. Наконец, это им удалось: откуда-то от самой воды, из места скрытого от глаз зарослями серебряного лоха, слышится английская речь. Это интересно, решает мистер Слэйдерс и увлекает за собой своего помощника и переводчика Конрада Боддэ. За столиком трое: седоусый в пиратском платке на голове, толстяк в тельняшке и юный моряк в новенькой форме. Англичане раздвинули кусты и заглянули внутрь, оставаясь твердо уверенными в своем инкогнито. Речь держит седоусый. В одной руке у него пивная кружка, в другой – трубка; долетающие оттуда слова звучат для подслушивающих, как самая настоящая музыка.

– Англия великая страна! Сильнее ее в этом мире нет никакой другой! Ты согласен?

– О! йес! – отвечает юноша, поскольку вопрос именно к нему. Толстяк только матерится.

– Или ты считаешь, что Россия сильнее? – в голосе «пирата» явная угроза.

– О, ноу, ноу! – успокаивает его молодой человек.

– Мы уже один раз проучили этих русских, если нужно, мы можем повторить Крымскую кампанию, – не успокаивается старший и стучит кружкой по столу. Англичане переглянулись, отпустили ветки и, обойдя кусты, появились у столика с другой стороны.

– Простите, что я вмешиваюсь, сэр, – сказал, останавливаясь, Слэйдерс, – но ваши слова настолько созвучны моим мыслям, что я вынужден остановиться и поприветствовать вас. – И он с вежливым поклоном протянул старшему свою визитную карточку. – В ней значится, кто я. Позвольте мне узнать ваше имя.

– Меня зовут Майкл! – седоусый поклонился в свою очередь, – я шкипер вон того сухогруза, а это мои товарищи – Пит и Джек.

– Я вижу, вас здорово достали эти варвары, – заметил Слэйдерс, – если бы вы смогли сегодня вечером заглянуть в летний театр, мы бы дали вам слово. Тема у нас совпадает! Мы станем рассказывать русским людям о выдающейся роли Англии в Восточной войне.

Майкл обещал прийти и еще привести с собой своего знакомого француза, он тоже может выступить, все-таки бывший наш союзник! Слэйдерс согласился, но Конрад запротестовал.

– Не нравится мне это! Слишком уж рьяно берутся они нам помогать. Не к добру это, сэр.

– Бросьте, Конрад! Всюду вам мерещатся враги. У старой доброй Англии их нет! Приходите, друзья, мы всем будем рады и каждому, кто пожелает, дадим слово.

Народу в установленное время набралось полный зал; свободных мест не было, и слушатели разместились в проходах и вдоль стен. Вступительное слово Слэйдерса в переводе Конрада выслушали совершенно спокойно, а появление шкипера сухогруза встретили заметным оживлением. Майкл начал свое выступление на английском языке, но затем поинтересовался у сенатора: «не лучше ли будет, если я перейду на их родной язык? Им будет понят-

нее». Получив разрешение, он тут же принялся описывать события тех дней. Причем начал с английской армии. Отозвавшись о высоких боевых качествах английских солдат, об их храбрости и самоотверженности, которые они, несомненно, проявляли во время боевых действий, шкипер вдруг позволил себе усомниться о боеспособности англичан в целом. Все дело в том, что английская армия отнюдь не являлась регулярной, как французская или российская, а набиралась на площадях. Но дело было не только в наемности; в армии напрочь отсутствовал институт офицерства: чины и звания приобретались за деньги. Командующий английской армией, лорд Раглан, стал им лишь потому, что он сам и те, кто его назначил, были уверены в справедливости его права на это место: во-первых, по знатности рода и, во-вторых, по возрасту. Генерал принадлежал к аристократическому роду и достиг конца седьмого десятка лет. Более счастливого кандидата рядом не оказалось, поэтому и не возникло никаких сомнений в правильности назначения. Примечательны его последние дни, связанные с первым общим штурмом Севастополя 18 июня 1855 года. Союзники были уверены, что к этой дате в результате девятимесячной осады города силы русских были уже окончательно истощены. Об этом же и говорил редкий ответный огонь их артиллерии, связанный с катастрофической нехваткой пороха, ядер и бомб. Оптимизм в лагере англичан и французов перед началом штурма бил через край. Англичанам предстояло взять третий бастион, прозванный ими Большим Реданом. «Сначала взять его и тут же падет Севастополь, – рассуждал полковник Эптони Стерлинг, – потом разбить у Бахчисарая армию Горчакова, и Крым наш, английский. Затем на Грузию, на Тифлис – и русским конец. Словом, нужно начать только с Редана, а это дело уже решенное».

Старый генерал стоял на холме, на левом фланге своей армии, перед тем самым Большим Реданом и наблюдал картину разгоравшегося штурма. Первой на правом фланге двинулась французская дивизия генерала Мэйрана, она вышла до общего сигнала, рассчитывая пробежать те триста ярдов открытого пространства еще до того момента, когда русские, услышав сигнал, поймут о начале штурма. Но это была роковая ошибка: русские, оказалось, были начеку! Колонна Мэйрана была встречена в упор картечью с фронта и бомбами с правого фланга, пущенными судами, стоящими в Килен-бухте. Она подверглась страшному разгрому, перед которым не смогла продержаться и четверть часа. Наконец, в самом центре взвились три огненных столба – сигнал к общей атаке. Перед Малаховым курганом – главной целью предстоящего штурма – французы сосредоточили громадные силы, более тринадцати тысяч человек, состоящие из лучших батальонов зуавов. Лорд Раглан увидел, как на курган быстро двинулась черная лавина штурмующих колонн. «Впечатление было поразительное! Казалось, сама земля породила все эти бурые полчища, в одно мгновение густо усеявшие совершенно пустынное до того времени пространство. Русские с бастионов били в упор картечью, бомбами, ядрами, ружейным огнем, – продолжал цитировать неизвестный источник «англичанин Майкл», – громада нападающих дрогнула, взволновалась на одном месте, будто закипела на несколько мгновений и вдруг отхлынула назад, густо покрывая землю сплошными рядами трупов, причем огонь русских, в особенности ружейный, увеличился до невероятной степени». От внимательного взгляда лорда Раглана не укрылось не только поражение дивизии Мэйрана, но и то, что все атаки дивизии Брюне на Малаховом кургане и дивизии Отмара на батарее Жерве победоносно отбиты русскими. И что главную роль во всех этих победах играет русская артиллерия, а именно, стоящая на третьем бастионе и бьющая во фланг наступающим французам. На том Большом Редане, атаковать который предстояло доблестному английскому войску. Старому лорду было над чем задуматься. Он понимал, что все их атаки обречены на провал, настолько убийственен был огонь русских. И уже убедившись, что французы терпят полный разгром, он начал запоздавшую и по существу уже бесполезную атаку на третий бастион, перед которым в полной боевой готовности стояла его армия. Англичане вышли из укрытий и двумя колоннами устремились на Большой Редан. Им предстояло пройти «долгий кровавый путь», во время которого русские расстреливали их в упор. Колонна была полностью лишена боеспособности,

прежде чем смогла хоть как-то приблизиться к укреплениям бастиона. То, что от нее осталось, было отброшено убийственным огнем русских назад. Вот что пишет об этом участник штурма 18 июня полковник Хибберн: «Огонь был так страшен, что можно было только опустить голову и бежать как можно быстрее. Это была буря картечи, сметавшая прочь все живое».

Русский огонь в эти утренние часы был воистину ужасен, отчего английскими солдатами овладело смятение. Раглан видел, как его офицеры, стоя на парапете, звали солдат в атаку, но те не желали вылезать из окопов, несмотря на то, что командиры принялись подгонять их ударами своих сабель плашмя. Но лорд настоял на атаке, и впоследствии так обосновал свое решение: «Я совершенно уверен, что если бы наши войска остались в своих траншеях, французы приписали бы свой неуспех нашему отказу принять участие в их операции».

– Итак, главнокомандующий англичан начал весьма запоздалый штурм с единственной целью: оградить себя в дальнейшем от каких-либо упреков со стороны союзников, – заявил Майкл. – Раглан сделал это, совершенно не приняв во внимание упреки внутренние, упреки своей совести, которые не могли не возникнуть в его душе уже на следующее утро после бесславного побоища. Когда на следующий день его взору предстала удручающая картина, в которой нескончаемой вереницей двигались высокие возы, перегруженные сверх всяких пределов трупами павших французов и англичан, он слег и затем, по прошествии нескольких дней, скончался. Все в один голос утверждали, что его убило поражение союзной армии 18 июня. «Лорд Раглан умер от огорчения и подавившей его тревоги, умер как жертва неподготовленности Англии к войне», отметил в своих воспоминаниях генерал Вуд.

Майкл вошел во вкус и всю изобличал недостатки английской военной системы, которая, по его мнению, привела к поражению союзников. Уже из зала в президиум кто-то, вероятнее всего из тайных сторонников англичан, передал для Слэйдерса записку, в которой изобличался выступающий оратор: «это вовсе не англичанин Майкл, а начальник евпаторийского морского порта и имя его – Михаил!» Но это уже не меняло дела совершенно, аудитория была полностью уже на его стороне, и лже-англичанин Майкл с блеском закончил свое выступление готовой цитатой.

«Я не могу поверить, что какое бы то ни было большое бедствие может сломить Россию. Это великий народ; несомненно, он не в нашем вкусе, но таков факт. Никакой враг не осмелится вторгнуться на его территорию, если не считать захвата таких ничтожных кусочков, какие мы теперь заняли».

– Я только что привел слова вашего штабного офицера, который состоял адъютантом при генерале Коллине Кэмпбелле, – обратился Майкл к Слэйдерсу, – он написал их в интимном письме к другу, будучи под Севастополем в июне 1855 года, и опубликовал в своей книге спустя шесть лет. Конечно же, вам известно, что эта книга вовсе не была предназначена для продажи, но благодаря вашему бизнесу – она уже в России. Если бы не это, мы бы так никогда и не услышали от англичан, обычно крайне скупых на эпитеты, когда приходится им хвалить врага, таких высоких слов в адрес русских матросов и солдат.

Но Слэйдерс уже не желал больше выслушивать подобных выступлений, он уже понял, что попал в западню, устроенную ему хитрыми русскими, и подал знак своему помощнику Боддэ, чтобы тот закрыл диспут, что и было исполнено немедленно. Английская делегация спешно покидала Летний, и уже им вдогонку чей-то насмешливый голос произнес: «точно так вы покидали побежденный вами Севастополь! Бегом и все время оглядываясь, не мчитесь ли вслед русский солдат со штыком!» Все завершился дружный веселый смех зрителей. Таким образом, англичан разгромили снова, теперь уже шестьдесят лет спустя, и Георг вспомнил все это во время своей последней поездки.

«Да, славно мы им тогда всыпали, подумалось ему, – мы – это русская команда руководимая градоначальником Мамоной Николаем Андреевичем. И я был членом этой команды, поскольку прожил в России уже более восьмидесяти лет и законным образом считал себя рус-

ским. И снова вспомнились ему слова, услышанные когда-то от Каспара: всю землю родиной считает человек, изгнанник только тот, кто в ней зарыт навек.

Он многое вспомнил о том времени, но среди всех этих мыслей неотступно сидела главная: пришла пора прощаться. Хотя священник постоянно укорял его за подобное – никогда не делай это преждевременно, только Господу известен твой день! Но он точно знает, что его час настал, и отправился к озеру, где между ним и остатками уже наполовину разрушенной крепостной стеной городское кладбище, и долго сидел у могилки Александры Афанасьевны, своей названной бабушки. Хотя «названная» совсем неверно – они стали родными.

По дороге в Кунан он все время молчал, выглядел усталым и без прежней охоты вылезал из тележки на крутых подъемах, тем более, что внук Василий протестовал как обычно. На следующий день после возвращения старый Дюбуа (хотя в метрике он был уже записан как Дюбанов Георгий) посетил сельское кладбище, где простился с Каспаром и Марией и со всей французской командой, со своими земляками, лежащими рядочком в славной акмечетской земле. После этого он все реже выходил на улицу, больше слонялся по двору, выполняя различные хозяйственные работы, мелкие и на первый взгляд совершенно ненужные. Но это только на первый взгляд – без этого всего двор непременно бы постигло полное запустение. Но все же настал тот горький день, когда он не смог выйти во двор. Он попросил поставить его кровать на изолированной веранде дома, откуда окна и дверь выходили на запад, где плескалось пусть невидимое, но весьма близкое море; он явственно ощущал все его запахи, а в тихие летние ночи, кажется, сюда долетал и шум его волны. Теперь он вечерами подолгу сидел на пороге, наблюдая медленно опускающееся за горизонт солнце. – Раньше я с большим удовольствием встречал его восход, – объяснял старик внучке Кате, ставшей его самой частой собеседницей, – что ж, это очевидно удел молодых, а для моих лет более подходяще закаты, в них завершение всего, конец работе, отдых и долгожданный сон, и все такое.

Днем постоянная суетолака: многочисленные домочадцы заходят поинтересоваться его самочувствием и спросить заодно, не нужно ли ему чего-нибудь. А ночи – это его царство: ночью спокойно и тихо, только цикады и совы, да прогудит иногда низким басом баржа, ползущая с пшеницей из Бакала или Сары-Булата на Одессу.

В одну из таких коротких летних ночей, когда над степью висела полная луна, заливая все вокруг мертвенным бледным светом, он без сна лежал в своей кровати, перемалывая в памяти события разных лет; дверь была открыта, с моря тихонько веял пахнувший солью и мокрыми водорослями ветерок. Цикады старались вовсю, и вдруг Георг в их бесконечной песне явственно различил человеческий голос. Он был совсем незнаком, но до боли родной, и он даже боялся подумать, кому он мог принадлежать. Два слова: «иди сюда», и всё. Скорее всего, мне почудилось, решил он, но не удержался и сел. И снова услышал те же два слова. Рядом с кроватью стояли две палки, иногда ночью, чтобы не видели близкие его мучений, с их помощью он вылезал во двор. Он решил попробовать еще раз, и теперь порог был преодолен без особых усилий. Его настороженный слух уловил тот же призыв, только здесь он стал более отчетлив, и выходил этот звук, кажется со стороны моря. Он сделал несколько шагов в ту сторону, и тут оказалось, что подпорки ему совершенно не нужны; он уверенно и твердо держался на ногах, прежде совершенно бессильных. Они легко вынесли на пригорок, потом на следующий, затем еще – и передним открылась мерцающая в лунном свете неподвижная морская гладь, а на ней освещенный сверху и изнутри прекрасный парусный корабль. Он стоял неподвижно, но, несмотря на полный штиль, мерно покачивался на якорной цепи. Он сразу узнал его – это была «Шарлотта», то самое судно, доставившее к крымскому берегу много лет назад молодых французских моряков. Георг ничуть не смутился увиденным; он помахал рукой, на судне тут же ответили склянками, бесшумно поднялся якорь, а паруса наполнились несуществующим ветром, и «Шарлотта» плавно двинулась к заветной бухте. Он знал твердо – там можно подойти к берегу, и там его возьму на борт. Он легко бежал следом, так же легко, как и в четырнадцать

лет. Ноги его едва касались земли. «А как же остальные? Как же вся команда? Их же тоже нужно позвать!» подумал Георг, и уже хотел остановиться, как услышал над головой тихий шелест крыльев, он поднял голову и увидел всех во главе с Каспаром. Он помахал им рукой и помчался еще быстрее. Корабль уже бросил якорь, луна опустилась к обмякшим парусам. И на ярко освещенной палубе он увидел мать и отца, на руках он держал маленькую Октавию, а мама еще раз повторила: иди сюда!

– Сейчас, мама, – ответил он, – только присяду на минутку, сердце что-то ...

Он присел под старую акацию: «лет ей, наверное, больше ста, – подумалось напоследок. Затем он поднялся и полетел к кораблю, вытянув вперед нетерпеливые руки.

Георга отыскивали на следующее утро ближе к полудню. Он сидел на камне, прислонившись спиной к стволу старой акации; руки на коленях вытянутые вперед, одна крепко сжата в кулак, когда его разжали в нем лежал крестик с надписью: «Георгу от мамы». Для всех осталось непостижимой загадкой, как старый уже почти два месяца не встававший человек, смог одолеть столь долгий путь. О крестике просто не обсуждалось.

С Ю З А Н Н А

После того, как Сюзанна Дидро рассталась с Владимиром, она несколько дней пыталась отыскать его след. Во-первых, она хотела отблагодарить его за столь неожиданное спасение; неизвестно, чем бы кончилась эта история с пьяной матросней. Во-вторых, Владимир был в женском платье, что могло означать, что он сам попал в какую-то неприятность и теперь нуждается в помощи. Так или иначе, но его следовало найти, но все ее усилия пока ни к чему не привели. Наконец она вспомнила, что он часто пропадал в марсельском порту, и где они с Жанной однажды побывали тоже. Она вспомнила также тамошнего управляющего Марчелло и отыскала его; он хорошо помнил их визит, признал Сюзанну и внимательно ее выслушал. Итальянец привел ее к человеку, судя по выправке, бывшему военному, а тот посоветовал обратиться в агентство «Круизы по Африке». – Но, имейте ввиду, ваш жених мог отправиться в Иностранный легион под другим именем, – предупредил он девушку.

Ее принял невысокий плотного телосложения мужчина, со шрамом через круглое лицо; его добродушная улыбка обнадеживала. – Месье Легрон? Нет, человек с такой фамилией у нас не появлялся. Вольдемар? Нет, не слышал. Может, вы знаете его под другим именем, иногда так бывает? – Ксавье уже догадался, кто ей нужен, и тут же подумал, что перед ним шпионка от Доше. Хотя тот искал человека с другой фамилией, но он знал, что у сыщиков один и тот же человек может проходить под разными именами.

– Нет, я не знаю никакого другого имени, кроме того, что я сейчас назвала, – в ее голосе слышна неподдельная грусть, в глазах уже мелькнули слезинки.

– Мне очень жаль, но я ничем не могу вам помочь. – Ксавье встал, давая понять, что аудиенция окончена. Он проводил ее до двери и уже там, чтобы хоть как-то заполнить тяготившую его самого паузу, спросил, когда она виделись с этим месье последний раз.

– Неделю тому назад. Он отбил меня от пьяных матросов!

Сержант остановился, как вкопанный.

– Так ты и есть та самая девушка, из-за которой Влад ввязался в драку возле матросского клуба?!

– Выходит, та самая, – в глазах у Сюзанны сверкнула радость.

Старею, подумал Ксавье, и повел девушку обратно в контору. Он поможет ей, раз Влад бросился спасти ее, рискуя собой. Правда, Николо смущает, что русский рассказал ему о своей жене, и ее зовут, кажется, Мишель. А это тогда кто? Ладно, они сами разберутся. А девушка прехорошенькая и молодец, и, видимо, всерьез влюблена в этого счастливчика!

Через три месяца пароход, принадлежащий компании «Круизы по Африке», отбыл из порта Марселя с очередной партией пассажиров. Полторы сотни из них едут любоваться африканскими пейзажами, старинными дворцами и мечетями, оливковыми рощами, водопадами и пирамидами и вернуться опять к старой матушке Европе. Другая же часть, едва ли не в два раза большая, рискует остаться среди этой экзотики навсегда, чтобы удобрить своими телами землю, которую Республика Франция никак не желает отдать ее законным хозяевам. Это люди, только что подписавшие пятилетний контракт на военную службу во Французском легионе.

В числе пассажиров и Сюзанна Дюбуа; она отправилась на этот таинственный материк отнюдь не восхищаться его ландшафтами, тем более не воевать с арабами. Нет, она едет открывать там торговлю дамскими шляпками и сумочками. Когда Сюзанна сообщила отцу, что встретила Владимира, которого они все считали погибшим, то барон несказанно обрадовался. Еще бы, этот русский за столь короткий срок работы в его транспортной конторе сделал очень много для её процветания. Дидро в глубине души надеялся, что сей достойный человек станет мужем одной из его дочерей. Ума и благородства у этого русского было намного больше, чем у всех претендентов, вместе взятых, из числа золотой молодежи; несмотря на их знатное происхождение и богатство, бывший легионер превосходил их во всем. К сожалению, старшую дочь Жанну связывало давнее обручение с Раулем, сыном его партнера. Пусть даже символическое, оно не могло быть разорвано: в противном случае барон Дидро становился нищим. И русский, когда увидел, что Жанна влюбилась в него, совершил поступок, еще раз подчеркнувший его высокие качества: он тактично ушел в сторону, хотя далось ему это, по словам бывшего в курсе Кришона, нелегко. Теперь этот русский появился вновь, и вновь неумолимая судьба забросила его в ряды легионеров, воюющих где-то в далеком Марокко. Сюзи заявила отцу, что она отправляется в Африку, где попытается найти и вытащить Владимира, который попал туда, скрываясь, как ей кажется, от какого-нибудь несправедливого преследования. – Нет, об этом не может быть даже речи, – отвечал Ангельм, это не женское дело, потому что крайне опасное. Он ни за что не отпустит ее в страну, где идет бесконечная война, где ежедневно убивают и похищают мирных жителей. И не смей даже просить меня об этом.

– Ну что ж, тогда я не буду просить тебя об этом, – ответила дочь. Тон, которым это было сказано, не оставлял никаких сомнений в том, что она сбежит туда немедленно. После долгих дискуссий, наконец, нашли компромиссное решение: Сюзанна отправится в Марокко в сопровождении дворецкого Франсуа и двух слуг. Чтобы жизнь у них текла легче и веселее, они откроют в одном из марокканских городов галантерейный магазин.

– Выбирай – Марракеш или Касабланка. Я напишу рекомендательное письмо моим друзьям, они помогут на первых порах.

– Нет, папа, мне нужно в Фес.

– Какой Фес? Ты с ума сошла! В Фесе идут боевые действия – это военный город, там не сумки и шляпки нужно продавать, а каски и противогазы, – вскипел барон.

Но ему пришлось сдаться в обмен на обещание дочери ничего не предпринимать, не согласовав с Франсуа, а дворецкий обязан давать отчет о происходящем ежедневно.

– Ваша задача отыскать парня, а вытаскивать его будут другие. Сообщите мне, когда он отыщется, а пока сидите в городе и не вздумайте шляться по Марокко, – приказал сердито Ангельм.

Ему обещали, и он отпустил дочь нехотя и с тяжелой душой.

Итак, Сюзанна теперь на палубе круизного парохода «Орлеанская дева». У нее отдельная каюта и куча ухажеров. «Смотри, девочка, за тобой прямо из Парижа мог увязаться сыщик из шайки Доше, поэтому будь внимательна и осторожна, – наставлял ее на прощание Ксавье. – Когда встретишь Влада, не бросайся сразу ему на шею, осмотришься. Возможно, что Доше уже в Фесе, – и Николо нарисовал его словесный портрет.

Сюзанна старательно запомнила все наставления сержанта. На прощание он дал два письма для Владимира: вручишь ему лично, будь осторожна, прошу тебя. Следуя этим наказам, она присматривается к окружающим ее людям, но нигде не видит ничего враждебного или угрожающего. Наоборот, вокруг все полно любви и открытой доброжелательности. Даже те, что едут в Африку воевать, как она уже догадалась по их некой обособленности и напускной рассеянности, постепенно оттаивают и вовлекаются в общую атмосферу безмятежности и увлечений. А их предостаточно: на корабле два плавательных бассейна, несколько баров, музыкальные и картежные кают-компании. Вечером на верхней палубе играет небольшой оркестр – аккордеон, гитара и скрипка; одни танцуют, другие наблюдают их или просто слушают музыку. Иногда ей на глаза попадает довольно мрачный тип: на голове какой-то немислимый тюрбан, закрывающий пол лица, он целыми днями лежит в шезлонге под зонтом и читает книгу, не купается и не танцует. Скорее всего, инвалид, думает Сюзанна, и ей жаль его. Иногда ей кажется, что он слишком часто поглядывает в ее сторону, тогда она жалеет его еще больше. Так, пройдя вдоль очаровательных берегов Италии и Греции, они спустились к Александрии. Оттуда двинулись в противоположную сторону на запад вдоль загадочных, вызывающих пылкое любопытство берегов северной Африки. Наконец, она прибыла в Фес, где ей сообщили, что объект ее стремлений участвует в боях в трехстах километрах отсюда. К счастью, скучать им не пришлось; оказалось, чтобы открыть лавку в Фесе, они обязаны получить разрешение на это в Рабате. Она с удовольствием отправилась туда вместе с Франсуа, это давало возможность хоть как-то скрасить дни ожидания: ведь по слухам только через пару месяцев воюющие части придут в Фес на отдых. Кроме этого они посетили Касабланку и все прибрежные городишки от Рабата до Танжера. Здесь девушка открыла совершенно новую для себя страну под названием Марокко, она пленила и потрясла своей необычностью и колоритностью, нисколько не похожую ни на одну европейскую. В самом Фесе они поселились в центре города в отеле Рю Гранд дю Павийон, где жили в основном их соотечественники. Сопровождающий девушку опекун в лице дворецкого Франсуа совершенно ей не докучает; в нем неожиданно проснулся торгаш, и вся его энергия направлена отныне на будущий бизнес. Будучи натурой общительной, Сюзанна быстро сошлась со многими постояльцами, а с кое-кем даже подружилась. Завсегдатаями гостиничного ресторана вскоре стала неразлучная компания. В ней, кроме Сюзанны, Артур, корреспондент газеты социалистов, выходящей в Касабланке, и двое молодых людей из Швейцарии, англичанин Уильямс и Луиза, немка или француженка, она сама точно не уверена кто; они представляют дирекцию Красного креста, направившего своих представителей в северную Африку, поскольку там идет война. В один из таких безмятежно протекающих дней Сюзанна услышала от Артура новость, повергшую ее в шок: Владимир находится здесь, в Фесе, в гарнизонной тюрьме. В чем его обвиняют, пока неизвестно; свидания с ним запрещены, в военной прокуратуре на эту тему не разговаривают. Артур раздобыл для нее пропуск на судебный процесс, он же доставил ее в гостиницу, когда после оглашения приговора она упала в обморок. Почти двое суток девушка не выходила из номера, доступ был закрыт для всех, кроме горничной. От нее друзья узнали, что их новая знакомая неподвижно лежит на диване. Нет, она не плачет, молчит, ничего не кушает, только пьет кофе. Бессонные ночи особо не наложили отпечаток на ее внешность, но, видимо, изменили ее внутренне. Вместо наивной девушки пред ними предстал расчетливый боец, готовый бороться за освобождение, нет, не своего жениха и даже не возлюбленного, призналась она, а просто бывшего компаньона отцовской фирмы, так много сделавшего для ее процветания. Последнее сообщение вдохновляет Артура, который принялся ухаживать за девушкой с первого дня их знакомства, хотя он уверен, что продолжит это волнительное занятие при любом раскладе. Им уже известно местонахождение каторжного рудника, на котором предстоит Владимиру отбывать столь непомерный срок, не входящий в область человеческой логики. Хотя все попытки ознакомиться с делом осужденного русского легионера не дали никаких результатов, то простой опрос знакомых с

этим делом военных (Артур отыскал даже однополчанина Макарова капитана Овчинникова), подтверждает, что реальная мера наказания колеблется в пределах двух-трех месяцев гарнизонной тюрьмы, с разжалованием или без. Таково мнение многих юристов, как военных, так и гражданских. Друзья уже собрали необходимые для апелляции документы, теперь их должен подписать сам осужденный, но им никак не удастся получить разрешение на посещение места заключения.

– Как только вы принесете мне эти бумаги, мы добьемся пересмотра дела, и я уверен, мой клиент сразу окажется на свободе, – заверил Сюзанну нанятый ею адвокат.

Но как попасть в лагерь? Как добиться свидания с заключенным, если они запрещены ему по приговору? – эти и другие, требующие немедленного разрешения вопросы, занимают все помыслы четверки единомышленников. Наконец, они решили отправиться в лагерь самостоятельно, без всякого на то разрешения. Они надеются, что Уильямс сумеет проникнуть на его территорию, используя полномочия, данные ему Красным Крестом.

– Ведь у вас, насколько можно судить по газетам, всемогущая контора, – шутит Артур.

– Хотелось бы уточнить, она не столько всемогущая, – поясняет Уильямс, – сколько никто не хочет с ней связываться, особенно после того, как нашему Кресту в 1917 году присвоили Нобелевскую премию.

До поселка Эль-Исфа ходит поезд, оттуда до лагеря добраться можно только на лошадях, но найти их в этой местности практически невозможно. Местные племена с трепетным почтением относятся к лошади и почти не мыслят ее в другом амплу, кроме несущего своего хозяина в седле. Скорее всего, решить вопрос мешает незнание арабского языка, а лошадьми владеют только местные жители. Артуру, наконец, повезло: он привел непонятную личность, которая пообещала достать для них пару лошадей и повозку. Непонятную потому, что невозможно было определить ни национальность, ни возраст этого человека, тем более понять, на каком языке он изъяснялся. Но ему все это простили лишь потому, что менее чем через три часа возле их постоянного двора стоял легкий экипаж с парой гнедых лошадей. Этот же человек становился и кучером: лошадей он взял под залог, и не имеет права передавать их чужому лицу. Но никто и не претендовал на это, и кучер был принят единогласно. Первая поездка чуть было не окончилась неудачей, в лагерь их просто не пропустили. Начальник охранной службы капитан Дезире Манон, бравый кавалерист в прошлом и изнывающий от безделья и скудного жалования в настоящем, усадил посетителей в караульном помещении, вручил им бумагу и попросил каждого четко и вразумительно изложить цель прибытия на охраняемый им объект. Об этом ему они только что сообщили устно, сейчас же он просто тянет время в ожидании, пока из Феса ответит на его запрос ответственный чиновник: пускать или не пускать. В управлении молчали, они просто не могли (или не хотели?!) отыскать лицо, ответственное за пропускной режим. Время шло, и как достаточно опытный работник, Манон понимал, что сейчас оно работает против него. С корреспондентом ясно, если он его не пропустит, то ничего не случится, даже если тому дали бы добро. Но как быть с этим англичанином из Красного Креста? Тот уже пригрозил: если его не допустят к осмотру объекта, жалобу об этом беззаконии в Париже получают уже сегодня, до конца рабочего дня. Тогда ответит он, Дезире Манон; ему до увольнения в запас осталось два года, и всякое понижение в должности неизбежно ударит по его будущей пенсии. Решение может быть только одно: пустить, тогда не накажут за безынициативность, но ничего не показывать, не накажут за самоуправство! Он в который раз подходит к рации, откуда ему сообщают, что он, во-первых, мешает работать, во-вторых, должен принять решение сам, и, в-третьих, чтобы убирался к черту, все равно потом спросят с него. Наконец, он окончательно выходит из секретной комнаты к ожидающим штатским лицам. Корреспонденту он сразу же указывает на дверь: прошу вас немедленно покинуть помещение, подождите в своей карете; к англичанину приставлен маршал, который будет сопровождать его по территории. «Вам разрешается посетить только пару барачков, и ничего больше. В раз-

говоры ни с кем не вступать, маршал за этим присмотрит. Месье, вы должны понимать, что каторжная тюрьма не место для светских бесед! Какие вопросы ко мне у прелестной посетительницы? Ах, вы хотите поговорить со мной лично? Пожалуйста, я готов. Наедине? Мы и так наедине. Этот? Так это же дежурный, если он даже способен слушать, то, все равно, еще нужно и соображать, а для него это ... Нет, прогнать его нельзя, давайте пройдем в мой кабинет. Девушка садится напротив Дезире, у нее здесь, оказывается, жених. Она настолько расстроена, что вот-вот готова заплакать, поэтому нервно вытаскивает из сумочки носовой платок, при этом вместе с платком на стол выпадает стофранковая купюра. Она, кажется, не замечает это, и заявляет, что жених осужден несправедливо, он невиновен. Дезире соглашается с ней, и, поскольку деньги уже в его ловких пальцах, добавляет, что здесь таких очень много, они почти все здесь невиновные. И вы, конечно, хотели бы с ним повидаться? Поговорить? Так, пару слов, всего лишь несколько минут? Но это невозможно, сударыня, здесь отбывают свой срок преступники, лишённые даже права послать весточку на волю или получить ее оттуда! А вы просите о свидании! Нет, и еще раз, нет! И не просите об этом, это... Манон хотел сказать, бесполезно, но тут увидел в прелестных пальчиках просительницы точно такую сотенную, что и первая. Это, конечно, категорически запрещено, но давайте подумаем, что я смогу для вас сделать. Назовите номер, под которым находится ваш друг. Вам известна лишь фамилия? Ничего, это поправимо. Макарофф? Владимир? Манон полистал большой журнал в плотной обложке. Так, запоминайте, 21069, это теперь его фамилия, имя и все остальное. Манон захлопнул книгу, в ней остались деньги. Да, клиент, несомненно, стоящий, не спугнуть бы. Может впустить? А вдруг это подстава, прикрытая Красным Крестом? Благоразумие взяло верх.

– Мадмуазель, свидание с нашими заключенными, как я уже сказал, запрещены, для этого требуется специальное разрешение, но не нужно даже пытаться получить его, на это уйдет столько времени! Не исключено, что ваш жених раньше выйдет на свободу. Поезжайте в сторону Бени-Меллаль, там неподалеку есть женский монастырь, его обитательницы иногда навещают наш лагерь, в меру своих сил они пытаются спасти, если уж не тела, то хоть души сих несчастных овечек. – Манон даже поднял глаза к небу и попытался смахнуть несуществующую слезу. – Так вот, для монашек вход к нам открыт постоянно. Если вы привезете мне документ, дающий право вести миссионерскую деятельность в местах заключения, я смогу устроить все остальное для вашего счастья. В следующем месяце праздник, день святого Бернарда, – сообщил капитан, провожая Сюзанну к карете, – постарайтесь успеть. Я жду вас, до свиданья!

Капитан в тот же день имел беседу с номером 21069. «Поздравляю! нас посетил сегодня человек, который готов принять участие в твоей судьбе. – Манон не сказал даже, что это была женщина, причем прехорошенькая. – Ты ждешь кого-нибудь? – И тут же сам устыдился своего глупого вопроса. – Ладно, посетитель оставил некую сумму денег, но поскольку ты некурящий, скажи, что я могу для тебя сделать.

- Переведите в наш барак несколько человек, которых я укажу, господин капитан.
- Хорошо, я согласен. Сколько?
- Пятерых.
- Ладно, это многовато, давай пока троих.

Владимир согласился, но не это занимало его сейчас: все его существо наполнено глубокой радостью, наконец, кто-то пробился к нему. Кто это, он даже не пытался угадать. Благодаря Тебя, Господи, за Твою милость ко мне! Постараюсь быть Ее достойным, хоть чуточку.

В карете, как высокопарно только что назвал их допотопную кибитку Манон, друзья подвели итоги. Посещение лагеря, несомненно, прошло успешно. Главное – установлен контакт с начальником охраны; раз он принял деньги, значит, в дальнейшем можно рассчитывать на его помощь. Его фраза, сказанная девушке на прощание: главное, чтобы вид у вас был, как

у настоящей монашки, снимал напряжение; ведь понятное дело, что документ миссионера ей никто просто так не выдаст, для этого, наверняка, следует провести в монастыре пару лет. Они отыскали монастырь, подсказанный Маноном; Сюзанна провела в нем почти три недели. Настойчивость и прилежание новой послушницы, и, скорее всего, щедрые подарки сделали свое дело. Сюзанна получила молитвенник, распятие и соответствующие инструкции. А ее кучер Себастьяно каким-то образом скупил у монашек полный комплект одежды. К первому же празднику они отправились утренним поездом в Эль-Исфу, где их уже поджидал транспорт. Артура, как и прошлый раз, оставили в карете, «прессе вход воспрещен» гласила надпись на щите перед караулкой. Пропустили Уильяма, осматривать те же бараки и пищеблок; Сюзанну учтиво встретил сам Манон. Встретиться с представительницей церкви согласились четверо, сообщил ей капитан. Поскольку на всю процедуру отводится всего лишь один час, то каждому выпадает по пятнадцать минут. Денежная купюра, перекочевавшая от девушки к капитану, сразу изменила ситуацию: их осталось только двое, и первым привели номер 21069. Владимир сразу с порога заявил, что он не намерен встречаться с представителем чуждой ему религии, и повернулся, чтобы уйти. Но первые же слова, произнесенные монахиней, заставили его остановиться. Он узнал в ней Сюзанну, и радость его не имела границ. Как только эмоции улеглись, новоиспеченная служительница церкви заявила капитану о том, что таинство исповедания не допускает присутствия при нем посторонних лиц. В ответ начальник охраны сослался на Устав караульной службы, запрещающий оставлять наедине заключенных во время свидания, с кем бы то ни было. Конфликт был погашен ставшим уже привычным финансовым путем, и Манон перешел в соседнее помещение, оставив открытой дверь, чтобы он мог, если не наблюдать свидание, то хотя бы слышать, о чем там говорят. Теперь, если отбросить две-три молитвы, наспех прочтенные Сюзанной, то ему пришлось выслушивать бесконечный поток любовной чепухи, горячности и изящности, которой могли бы позавидовать авторы модных любовных романов. И ему было невдомек, что эта парочка, с таким пылом изображающая влюбленных, вела в это время активную переписку. За время, отведенное на свидание, Владимир подписал прошение о пересмотре дела и описал события, предшествующие его аресту: это нужно Артуру для его будущей статьи. Он получил, помимо всего, последние парижские новости и привет от барона Ангельма Дидро. – Жанна пока не в курсе, что ты нашелся, отец запретил мне говорить ей об этом, – смущаясь, сообщила ему Сюзанна. Чувствовалось, что ей не совсем охота касаться столь щекотливой темы. «Бедная девочка, подумал поручик, что будет с ней, когда она узнает о Мишель». Ему стыдно перед Сюзанной, но он должен продолжать играть роль влюбленного, так как обязан притворяться им только ради конспирации. Ее же чувства искренни, и ему тяжело слушать признания девушки. Временами ему кажется, что ее взор иногда туманится, в безмятежном щебетании проскальзывают грустные нотки, неужели она уже почувствовала нечто? Нет, это, скорее всего, ему показалось. Напоследок она вручила ему письма из Франции, они для него самое дорогое в настоящий момент. Может быть, причина ее грусти – эти письма? – подумал он.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.